

Павел Гусев

ИСТОРИЙКИ

с 41-го года

28

ВЕРНОСТЬ

12+

Павел Гусев

Историйки с 41-го года. Верность

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гусев П. П.

Историйки с 41-го года. Верность / П. П. Гусев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Историйки с 41-го года - В рассказах описаны истории о жизни в тылу детей и стариков, о судьбах воинов и их матерей, о нелегкой судьбе солдат на фронте. Несмотря на описанные в них тяжелые военные годы, все рассказы написаны с особенной добротой, теплотой, искренностью и нежностью, которые уже не так часто встречаются в наше время. Книга будет интересна как взрослым, напоминая о прошлом, так и подрастающему поколению с целью формирования общечеловеческих ценностей и знаний истории страны. Верность - Рассказы о пограничниках. Каждая из этих историй очень трогательна и эмоциональна. Автор вложил в них все свои чувства и переживания, которые передаются и нам с каждой прочитанной строчкой, никого не оставляя равнодушным.

Содержание

Книга 1. Историйки с 41-го года	7
На войне и в тылу	7
Ладошка	7
Дорога	8
Фоторепортер	10
Ряса	13
Птичья ферма	14
Чемпион	16
Гаврош	17
Крепко взявшись за руки	20
Отличный пограничник	21
Конек-Горбунок	22
Кукольник	25
Маленький солдат	26
«Ёлки-палки»	27
Самолет	28
История времен войны	29
Подруга журавушка	30
Память на всю жизнь	31
Фотография	32
Братья	33
Каравай дружбы	35
Седая прядь	37
Тетка	38
Голубь мира	43
Притчи о войне	44
Ладонь солдата	44
Пушка	44
Пуля-дура	45
Завоеватель	45
Кованый Сапог	45
Добрый танк	46
Предостережение	46
Песня Трубача	47
Чистота	47
Красота	48
Перекур	48
После войны	49
Салют победы	49
Колечко с рубином	49
Медаль «за отвагу»	51
Часы с боем	52
Неизвестный солдат	54
Подарок	55
Мамин платочек с узелком	57
Я с облачка спущусь	58

Дима-филателист	59
Г.Т.О.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Павел Гусев **Историйки с 41-го года. Верность**

П. Гусев

Книга 1. Историйки с 41-го года

На войне и в тылу

Ладонка

Николай гулял в парке со своей невестой. Она прижалась к нему, облокотилась на руку, и так они и шли, мечтая о дне своей свадьбы. Тут раздался громкий голос из репродуктора:

– Слушайте важное сообщение!

Они остановились, как и многие отдыхающие, встали возле радио – казалось, оно превратилось в зловещий большой черный раструб, из которого звучал тревожный голос. Народ застыл, услышав сообщение:

– Враг вероломно напал на нашу Родину. Встанем все, как один, на её защиту!

Все слушатели возбужденно стали обсуждать нагрянувшие события, а Николай с невестой Катей пошли домой.

Мать уже ждала их возле крыльца, где также столпились остальные жильцы, кто со злобным, кто с растерянным видом, обсуждая страшные известия.

– Сынок, что же теперь будет? – спросила она, ожидая от него успокоительный ответ.

Сын только пожал плечами и тихо ответил:

– Не знаю, мама.

Катя молчала, а потом сказала:

– Пойду успокою своих родителей, наверное, тоже волнуются.

И в этот момент подъехала машина, из нее вышел военный в фуражке, сдвинутой на затылок, весь в поту. Подошел, представился перед всем народом и спросил:

– Есть тут кто из двенадцатой квартиры?

Николай молча выдвинулся из толпы. Ему вручили повестку. В ней было четко написано, что завтра в девять часов он должен прибыть в указанное место и взять с собой теплую одежду, кружку и ложку.

Мать и невестка охнули. Катя справилась с волнением и заявила:

– Коля, я сегодня останусь с тобой, а утром провожу тебя. Ты меня только не гони домой. Я так решила!

Вечером они вдвоем собрали вещи, указанные в повестке, и сложили их в вещмешок. Затем взяли из серванта бутылку сухого вина, пару яблок и удалились в спальню.

Мать слышала взволнованный и сбивчивый голос Кати:

– Ну и что, Коленька, что мы не расписались, зато буду знать – я твоя самая родненькая. И буду ждать, пока не вернешься.

Утром они встали с синевой под глазами (так как не спали всю ночь), но счастливые и в обнимку вышли во двор. Мать Колю перекрестила и поцеловала. У всех провожавших лица посуровели. Они понимали, что на войне может произойти все. Оттуда, бывает, и не возвращаются.

Катя, провожая Николая, всю дорогу твердила:

– Береги себя! Обо мне с мамой не беспокойся, только себя береги!

Возле собравшихся призывников они долго целовались, пока не послышалась команда офицера:

– По-о машина-ам!

Николай влез в кузов, и последнее, что она увидела, как он через пелену серой пыли махал ей рукой.

Первое письмо от него пришло быстро, через десять дней. Он писал: «Я осваиваю курсы молодого бойца, затем начну учиться на командира отделения. Придется отвечать за каждого солдата. У меня все хорошо, не волнуйтесь. Целую, Коля».

Через месяц Катя почувствовала, что беременна, и написала ему:

«Коля, у нас будет ребеночек, не знаю – девочка или мальчик. Я очень рада, что появится наша кровинушка».

Он ответил ей, будучи уже на фронте, участвуя в боях с врагом: «Дорогая жenuшка, как родится малыш, пришли мне на листочке его обрисованную ладошку». И опять заканчивал письмо: «У меня все хорошо, не волнуйтесь. Целую, Коля».

Прошло время, и Николай получил конверт, а в нем листочек с нарисованной маленькой ладошкой. В письме было сообщение, что родилась девочка. Он приложил рисунок к губам, ему показалось, что ладошка теплая, нежная и согревает его, и он долго ее так держал.

Солдаты смеялись – за сержанта радовались. Ни у кого из них во время войны дитё не появилось, а у него вот есть.

Николай листочек с ладошкой положил в нагрудный карман гимнастерки, а когда душа домой просилась, вытаскивал её, смотрел и нежно поглаживал.

Бои шли тяжелые, и многие однополчане из его отделения оказались в госпитале. Николай жалел молодое пополнение прибывших необстрелянных солдат и старался им помочь, всегда сам первым шел в бой. Ему казалось, что так он их от пуль уберегает, а его они, проклятые, обходили стороной. Солдаты над ним шутили:

– Это, товарищ сержант, вас ладошка дочки от беды оберегает.

А он, гордый за дочку, отвечал:

– Точно-о та-ак! – и писал жене и маме, что у него на службе все хорошо и чтобы они не волновались.

Однажды его часть пошла в штыковую атаку. Он, как всегда, впереди. Плацдарм был отбит. Враг отступил. Но тут неожиданно грянул взрыв упавшего снаряда. Некоторых бойцов ранило, а кто-то и погиб. Санитары выносили с поля боя красноармейцев, черных от копоти, облепленных кровавой землей, и отправляли в лазарет – кого лечить, а кого на опознание. Одного сержанта они сразу узнали по обнаруженному у него листочку с рисунком ладошки в нагрудном кармане гимнастерки. Многие служившие слышали о нем.

В этот день после боя почтальон принес в стрелковое отделение толстое письмо, исписанное радостными словами: «Коленька, наша дочка подросла. Мама говорит – вылитая ты, когда был маленьким. Посылаем тебе еще одну ладошку – размером она больше, чем предыдущая».

И все солдаты, кто еще не видел листочек, хотели посмотреть и потрогать обрисованную там ладошку.

Дорога

Война нагрянула неожиданно.

Лейтенанту Лагутину было приказано срочно сформировать из курсантов пограничной школы взвод и своим ходом добираться до места назначения. Ночью с полным боевым комплектом они тронулись в путь. Уже стало рассветать, когда дошли до хутора. Ни пения петухов, ни лаяния собак не было слышно, даже птицы и те куда-то подевались. Серые хаты были глухо

закрыты ставнями, и во дворах не было ни одной живой души. На поле виднелась огромная куча саженцев и готовые вырытые ямки для посадки. «Люди, видно, спешили уйти и не закончили работу», – подумал Лагутин.

Он дал команду взводу:

– Всем пятнадцать минут отдыха!

Солдаты, где стояли, там же и улеглись, а Лагутин пошел посмотреть, какого дерева саженцы, и увидел уже засыхающие яблоньки: день-два – и совсем пропадут. Лагутин постоял минуту в раздумье, затем взял небольшое деревце, лежавшую рядом лопату и закопал деревце в лунку, а затем и следующие посадил.

Солдаты, увидев это, по одному стали подходить к саженцам и сажать их в приготовленные ямки. Скоро весь взвод участвовал в этом мероприятии, и вся куча хилых яблонек была посажена. На все уговоры лейтенанта «отдохнуть» солдаты отшучивались: «Мы не устали!» Пятнадцать минут прошли, и Лагутин дал команду:

– Строиться! Шагом марш!

Солдаты шли и оглядывались на посаженные саженцы. А они колыхались от ветра, будто говоря «до встречи!»

Четыре года Лагутин со своим взводом был на фронте и скоро стал командовать более крупной частью. По счастливой случайности, все бывшие курсанты служили с ним – их прозвали «лагутинцы». Они достойно сражались с врагом, многие были представлены к правительственным наградам и званиям. Но были и раненые, и погибшие.

Пришел долгожданный день Победы! Враг был уничтожен. Усталым, невыспавшимся солдатам зачитали указ о демобилизации, а кому-то о продолжении учебы в военной академии. Лагутин, ставший полковником, получил приказ довести демобилизованных солдат на машинах до города. Все они с радостными лицами и с бурно бьющимися от счастья сердцами запрыгали по машинам и, словно не было никакой усталости, дружно закричали:

– Домой! Домой! Поехали!

Путь был неблизкий, и они долго тряслись на машинах. Проезжая мимо одного хутора, Лагутин заметил до боли знакомое поле и хаты, только сейчас они были побелены, а на поле цвели яблоньки, словно усыпанные большими снежинками.

– Так это же те яблоньки, которые мы с солдатами сажали! – воскликнул Лагутин и добавил с восхищением: – Все до единой выросли!

– Стой! Стой! – закричал он водителю, тот в недоумении остановился. Полковник выпрыгнул из машины, подбежал к яблоньке, счастливо прижался к ней и погладил листочек. Ему показалось, что и другие деревца хотят, чтобы он подошел к ним, и он стал подряд обнимать их все – за себя и за тех солдат, которые их сажали и не вернулись, так и не увидев красоту жизни.

Остальные солдаты тоже подбежали к яблонькам, старались потрогать каждую из них и вспоминали тот страшный день начала войны. А яблоньки, словно почувствовав тех солдат, которые дали им возможность расти и цвести, в благодарность засыпали их белыми бархатистыми лепестками.

Навстречу солдатам бежали хуторяне с хлебом-солью, радостно кричали:

– Угощайтесь, родные! Наши освободители! Побудьте с нами!

– Спасибо! Нам надо домой! – отвечали солдаты.

– Мы вас не отпустим, пока не отведаете в благодарность нашего крестьянского обеда с горилкой!

Лагутин и солдаты поняли, что их ждут не только дома, а весь народ.

И полковник дал команду:

– Всем отдыхать!

Фоторепортер

Игорь учился на первом курсе института кинематографии на оператора, когда неожиданно нагрянула Великая Отечественная война.

В институте временно прекратили занятия, говорили: «Война ненадолго!» Аудитории пустовали. Стояла пугающая тишина. Она была повсюду: на улице, во дворе. Даже чирикание воробьев не было слышно.

Многие студенты отправились на сборный пункт, чтобы пойти добровольцами на фронт, и Игорь пошел с ними. Он был небольшого роста, но физически очень развит. Никто из его однокурсников не мог с ним потягаться в спортзале, взобраться на высокий шест. Его фигуру подводило только плечо: правое было выше левого из-за врожденного искривления позвоночника. Но ему это не мешало в жизни.

Медицинская комиссия проверила его здоровье и отказала – негоден к военной службе. Он огорчился, но каждый день продолжал настырно ходить на сборный пункт. И однажды, потеряв уже всякую надежду из-за очередного отказа, услышал из комиссии начальственный голос:

- А ты хорошо владеешь лейкой?
- Да! – ответил он. – Это моя специальность, настоящая и будущая.
- Берем тебя фоторепортером!

На следующий день Игорь с вещмешком, где была кружка, ложка, теплые носки, свитер и полбуханки хлеба, собранные по указанию майора, прибыл на место назначенного сбора. Там уже была группа добровольцев такого же возраста, как и он, с провожающими родителями и девушками.

Прощаться долго не пришлось. Подъехала открытая машина с лавочками, и, не заглушая мотора, всех новобранцев посадили в кузов. Игорь поцеловал плачущую мать, и машина рванула по пыльной дороге.

Их привезли на курсы молодого бойца. Игорь получил солдатское обмундирование, приступил к изучению военного дела и стал фотографировать будни новобранцев.

Снимки были хорошие, но глаза у всех солдат были застывшие и смотрели куда-то вдаль со злой искоркой, будто видели кого-то там и сильно ненавидели. «Это все от нагрывшей войны», – решил он.

Однажды вечером, только все курсанты улеглись под отбой спать, как их срочно подняли. И в форме, при боевом снаряжении: винтовка с патронами, котелок, фляжка, – погрузили в вагоны поезда и отправили.

Поезд остановился только на рассвете, тяжело пыхтя, под гул далекой кананады. Солдат построили в колонну, и они быстрым шагом, почти бегом устремились туда, где был слышен грохот разрывающихся снарядов.

Бой затих только тогда, когда они прибыли в место расположения части. Всех солдат распределили по ячейкам в траншеях и в окопах. Серый туман с дымом расстилался вокруг, но было видно, что земля перевернута, словно ее распахали плугом, деревянные траншеи обуглены и заляпаны засохшей глиной. Бруствер местами был срезан, видно, от мощного взрыва. Пахло горьким порохом. Лица бойцов, участвующих в сражении, были грязные от копоти, из-под их касок стекал черный пот. С огромными горящими глазами они скручивали из газетной бумаги сигарку за сигаркой и глубоко вдыхали табачный дым.

Солнце пробило в небе темную пелену и ярко осветило все вокруг. Игорь стал быстро фотографировать все, что хотелось ему запечатлеть.

Вдалеке от траншеи раздался взрыв, видно, враг пристреливался, ожидая ответный выстрел, чтобы узнать расположение нашей позиции. Но орудия молчали, готовясь обескура-

жить своей неожиданностью. Враг периодически стрелял и стрелял. Один из снарядов взорвался недалеко от бруствера. Это было пустячком для солдат, и никто на это не обратил внимания.

А вот Игорю не повезло: не то камень, не то осколок от снаряда угодил в объектив. Он проверил лейку – пленка была в целостности, а сам фотоаппарат пришел в негодность. Лейка числилась на балансе института, ему дали ее, сказав: «До скорой победы над врагом, вернешь со снимками». От увиденного Игорь расстроился и осел в окоп. Вид у него был такой несчастный, что рядом стоявший солдат кинулся ему на помощь. К этому времени выстрелы с вражеской позиции прекратились, будто они добились своего – уничтожили фотоаппарат и замолчали.

И тут раздался голос. Это был командир полка, проверяющий готовность к атаке.

– Что случилось, солдат?

Игорь вскочил:

– Лейку разбил!

– С завтрашнего дня станешь проходить службу в интендантском подразделении.

У Игоря было такое лицо, словно с ним случилось самое большое несчастье. Послышался смех. За спиной командующего стоял в пехотной накидке и в головном уборе пограничника, но неизвестно, в каком звании, военный и изучающе весело смотрел на Игоря:

– Вот что скажу тебе, солдат, – начал он, потом немножко помолчал и продолжил: – Мне нужен хороший фотограф. Специалист. Я дам тебе трофейную лейку и в ночь пойдем в логово врага. Покажешь себя, на что способен. А сейчас иди спать!

Игорь был так рад этому предложению, что готов был хоть сейчас пойти с этим спасителем. А пограничник повторил:

– Иди отдыхать!

Он спал крепко, а когда его разбудили, быстро оделся и, увидев перед собой знакомого военного, услышал:

– Я майор Серьгин, нам предстоит обнаружить оборонительную систему неприятеля и запечатлеть ее на пленку. Вот тебе лейка.

Игорь тщательно осмотрел фотоаппарат: был он в хорошем состоянии. Пощелкал на разные метражи, привыкая к нему, зарядил пленку и еще парочку запасных положил в карман.

Серьгин вместо винтовки дал Игорю пистолет и помог закрепить его к ремню, приговаривая:

– Самое грозное оружие твое – это лейка! – и похлопал со всех сторон, чтобы на нем ничего не стучало и не шелестело.

Затем накинул на себя автомат, прикрепил к поясу дополнительный диск с патронами и гранату. Вдвоем они перелезли через бруствер и скрылись в темноте.

Серьгин шел уверенно и бесшумно, кружась по оврагам, порою казалось, что они даже удаляются от позиции врага. Игорь старался повторять движения напарника и, может быть, от напряжения или от необычных движений немного устал.

«И как это Серьгин так уверенно идет в такой темноте и знает куда?» – размышлял Игорь.

Майор, словно угадав его мысли, тихо проговорил:

– Давай передохнем, до фашистов нам осталось уже недалеко. Мы их со стороны обошли. Я тут каждый бугорок знаю, рос в этих местах, по грибы и по ягоды ходил. А то, что я пограничник, так это меня специально вызвали провести тут разведку.

Первые лучи солнца скользнули по земле, когда они оказались среди густых сухих кустарников и залегли там. Местность перед ними была ровная, с редкими кустарниками, только неподалеку росла высокая, не в обхват ель, гладкая до самого верха, без веток, лишь на самой ее макушке зеленела густая игольчатая шапка. Вдалеке было заметно передвижение фрицев, слышался гул техники, кое-где виднелись огромные насыпи земли, укрывавшие орудия. Серое

облако, висевшее в небе, немного отнесло ветром, и солнце хорошо осветило местность, казалось, оно помогает им обнаружить врага.

Игорь защелкал лейкой как заводной, ища нужные объекты, но многое ему было непонятно. Азарт съемки его захватил, и он рванул к дереву.

– Назад! – громко прошипел на него Серьгин. Но Игорь уже взбирался на ель, держа лейку в зубах.

Это произошло быстро, он вмиг оказался на макушке в зеленой шапке дерева и, засев там, защелкал фотоаппаратом.

«Лишь бы только его не засекали, – переживал Серьгин». И в этот момент неподалеку взорвался снаряд, казалось, стреляли наугад, на проверку, не веря, что человек может взобраться по голому стволу до самой макушки.

«Видимо, учуяли фрицы что-то и проверяют», – решил он.

В этот момент прибежал запыхавшийся Игорь, и они от куста к кусту заторопились к оврагу. Грянул второй взрыв. Он, наверное, бабахнул на всякий случай, но осколок от снаряда прошелся выше голенища сапога майора, и нога закровоточила. Игорь оторвал длинный лоскут от гимнастерки и перевязал ему ногу. Серьгин уперся на подставленное плечо, и они продолжили путь к своим.

– Что-то нам везет на шальные осколки, – вздохнул Игорь, идя под тяжестью облокатившегося на него майора.

– А была бы не шальная, мы с тобой уже и не говорили бы, – улыбнулся Серьгин.

Снимки, что они доставили в полк, оказались ценнейшим материалом, особенно выполненные с дерева. Ранение же у майора было незначительное, и, казалось, он не замечал его вовсе. Довольный, он похвалил Игоря:

– Молодец, спасибо тебе за смекалку и смелость! С сегодняшнего дня лейка твоя!

А тот, смеясь, ответил:

– И вам спасибо, товарищ майор. Вы, пока мы добрались до своих, так надавили на мое плечо, что я аж выпрямился... – и он притворно выгнулся, чтобы показать, каким бы он мог быть...

В этот день фашистам не дали опомниться. По ним нанесли прицельный удар из всех орудий. Враг не ожидал этого и отступил.

Но война еще продолжалась. Игорь делал снимки под рубрикой «Солдат на войне». От всех его фотографий по-прежнему веяло грустью. Бойцы от долгой войны скучали по родителям, по женам, их лица стали суровыми, выражая желание скорее покончить с напавшим на родину врагом.

Фон на снимках был всегда серый, даже страшный: виднелись разрушенные дома, березки, разбитые в щепки, взрывы бомб, разметавшие все вокруг, черный зловещий дым. Обугленные траншеи, казалось, тянулись до бесконечности с находившимися там начеку красноармейцами с оружием в руках.

– И что у тебя все снимки с печалью? – спрашивал Серьгин Игоря, хотя и сам понимал: в такое время лучше не получится.

– Я так вижу и чувствую, – ответил он.

Они подружились, и им не раз еще приходилось ходить в разведку вместе. Вскоре Серьгина отозвали в свой погранотряд, но даже на разных фронтах они не теряли связи друг с другом.

Через четыре года война закончилась. С фашистской Германией было покончено. Началась мирная жизнь. Игорь закончил первый курс института кинематографии.

В один из дней, в канун праздника Победы над врагом, к нему нагрянул Серьгин – уже полковник, направленный на учебу в военную академию. Они по-мужски обнялись, и тут Серьгин увидел множество фотографий, аккуратно обрамленных в рамки, висевших на стенах по

всей его квартире. Возле снимков времен войны, серых и даже страшных, висели фотографии из сегодняшней жизни, но с тех же мест, где в прошлом шли бои.

Возле разрушенного сгоревшего дома с расщепленными березками находился снимок нового бревенчатого дома, казалось, от него пахло свежей смолой и окружающими пушистыми зелеными березками.

А рядом с фотографией, где были обугленные траншеи с засохшей, черной от копоти глины и уставшими лицами бойцов, находилась красивая фотография, где был цветущий парк с отдыхающими и улыбающимися посетителями. Даже не верилось, что когда-то там шли бои.

Фотография пушки, что палила и сеяла смерть из своего жерла, висела рядом со снимком, где она одиноко стояла в Музее вооруженных сил рядом с красным знаменем, склоненным над надписью: «Вечная память погибшим в войне».

– Да-а! – протянул полковник. – Вижу, появились у тебя радостные снимки. Но грусть прежних останется на всю жизнь!

Ряса

– Послушай историю вот этого лоскутка, – сказал мне друг, генерал в отставке, показывая небольшую тряпицу.

Война началась. Меня, двенадцатилетнего мальчика, эвакуировали подальше от фронта, туда, где жила моя тетя. Папу отправили на военные сборы, а маму оставили в городе, как певицу в хоре.

Тетушка встретила меня на вокзале возгласом:

– Петенька! Какое несчастье! Война! Ну, с Богом проживем.

Дома она меня вымыла, подстригла и что-то стала перешивать мне из вещей мужа. Тетя была портнихой, а с начала войны стала работать на фабрике, шить обмундирование для солдат. Муж ее, военный, уже воевал с врагом на границе. Меня устроили в школу, в пятый класс, и я стал готовиться к учебе. Уже ближе к зиме тетушка посмотрела на мою одежду и ахнула:

– Петенька, у тебя к зиме пальто-то нет!

Она засуетилась, открыла сундук и достала с самого дна дедушкину рясу (дедушка был протоиерей), долго на нее смотрела, казалось, вот-вот расплачется. Потом расстелила ее на столе, мелом начертила, вырезала ножницами детали и стала шить. Днем была на работе, а вечером строчила на машинке дома.

К этому времени погода изменилась, стало холодно, я простудился и сильно закашлял.

Пальто было готово, я померил его, оно было пошито в самый раз по мне.

– С Богом, носи его, внучек. – вздохнув, сказала она. – Дедушку-то твоего в Казахстан выслали, как попа. Ряса ему уже не понадобится.

С тех пор, как только я надел его, кашлять перестал, не заболел никакой хворью и всю зиму проносил. Только быстро стал расти, и к концу зимы руки далеко вылезли из рукавов. Приходилось выше натягивать рукавицы, но защитить кисть от холода они не могли.

Печь в доме была металлическая, называлась «буржуйка». Дрова я носил за пять километров – от завода, где были ящики от снарядов, целые и битые, их разрешали брать.

Однажды, собирая дощечки, я услышал над собой гул – высоко в небе летел, словно маленькая птичка, самолет. И вдруг послышался сильный свист – и меня подняло. Грохота я не слышал, пришел в себя, смотрю, ни одного ящика нет, все куда-то разметало, одно чистое поле, а пальто мое словно решето, все в дырочках и лохмотьях. Подбежали тут рабочие с завода, один с испугом спрашивает:

– Сынок, ты в порядке?

– Да, – говорю, а у самого голова звенит.

– Кто-то тебя оберегает! – поднял он меня, потом взглянул внимательно и спрашивает: – Сколько тебе лет?

– Двенадцать.

– Вот что, завтра приходи, у нас при заводе есть школа фабрично-заводского обучения. Будешь учиться по специальности, оденем тебя и питанием обеспечим.

Рассказал я все это тетушке. Она одобрила, и со следующего дня я пошел на завод. Дали мне шинель и форму фэзэушника. Свое пальто я снял – чинить его было бесполезно. Да и у меня теперь была шинель. Я отрезал от пальто только лоскуток и положил его в нагрудный карман гимнастерки. На заводе мне под ноги сделали высокий настил, чтобы я дотянулся до тисков, и стали обучать, как обращаться с зубилом, молотком и напильником, стесывая металлические заусенцы с деталей. В начале учебы молоток по зубилу не попадал, а ударял по руке, оставляя маленькие шрамы. Многие ребята, мои ровесники, сильно уставали, и их отпускали домой на денек, а я вроде бы ничего – терпел. Мастер подойдет ко мне, взъерошит волосы и скажет:

– Бережет тебя кто-то, бережет!

Я-то знал, кто! Это лоскуток от дедушкиной рясы.

Папа пришел на побывку на десять дней из госпиталя. Рассказал он, что мама на фронте, они солдатам поют в лазаретах, на привалах, от тяжести войны отвлекая. Смотря на отца, я заметил, что он говорит, а сам то и дело за бок держится, видно, от недавнего ранения еще не отошел. Я достал лоскуток от дедушкиной рясы и протянул ему.

– Вот – это тебе на здоровье.

Папа удивленно посмотрел на меня, а тетушка помогла настоять:

– Бери, бери его, братец, и носи, тебе еще воевать, а с этим лоскутком враз полегчает. Как окрепнешь, сыну обратно отдашь. У него жизнь еще впереди.

После войны отец прожил очень долго и умер от старости, в тот день дедушку амнистировали.

Генерал, рассказав это, вздохнул и положил лоскуток в карман кителя.

Птичья ферма

Шла Великая Отечественная война. В подразделение разведчиков пришла посылка с тыла. В ней оказались кисеты для махорки, носки и большая эмалированная кружка. Носки и кисеты быстро разобрали, а кружку никто не взял: у всех своя есть, алюминиевая. И тут подошел сержант Гускин, повертел ее со всех сторон, перевернул вверх дном и увидел выгравированную надпись: «Желаю победить врага и вернуться домой невредимым» – ниже был адрес, фамилия и имя «Гусева Саша».

– Надо же такому случиться! – удивился сержант. – Меня зовут Саша и ее тоже, и фамилии почти одинаковые.

И он показал надпись на кружке всем однополчанам. Они посмотрели и громко захохотали:

– В наш полк еще одна птичка прибыла!

И правда, в их разведывательной группе из бывших пограничников все военнослужащие были с птичьими фамилиями: Уткин, Курицын, Куропаткин и другие.

– Пиши, Гускин, своей Гусыне письмо с благодарностью, – весело заявили они.

И он под озорные шутки друзей стал писать: как его величают, как воюет, и что хотел бы получить от нее обратную весточку. И только он сложил конверт треугольником, вошел командир и громко прочеканил:

– Птички! – так он говорил всегда, когда назревали серьезные дела. – Всем подготовиться. Срочно надо взять в плен немецкого языка.

Через несколько минут все были в полной боевой готовности для вылазки в логово врага. Гускин нацепил на себя и кружку, на всякий случай.

Вышли они в начале дня. Командир то и дело поглядывал на карту, выбирал путь. Пробирались они скрытно – через овраги, кусты, леса. В воздухе стояла духота – вот уже несколько дней была жаркая, сухая погода. С деревьев падали желтые высушенные листья, будто наступила осень. Разведчики прошли несколько километров, прикладываясь к фляжкам с водой. Незаметно дошли до передовой неприятеля, там в несколько эшелонов были траншеи и вряд ли можно было удачно взять немца. Тогда командир решил пойти вдоль укреплений ближе к тылу врага. Он оглядел всех бойцов и приказал:

– Все, что может гроыхать, – оставить здесь. И Гускин повесил аккуратно кружку на ветку.

Стало темнеть. Всю ночь они пробирались через чащобу с колючими ветками и вышли на гул моторов. Залегли неподалеку. Рассвет наступил неожиданно, и перед ними показалась армада военной техники: танки и самоходки, охраняемые часовыми.

– Будем ждать кого-то повыше рангом, – прошептал командир.

Духота усугубилась, воды во фляжках не осталось ни капли. А там, откуда они пришли, слышался гром, сверкала молния, шел дождь, и это еще сильнее вызывало жажду. Только к закату солнца прибыли машины и привезли водителей техники. Некоторые фрицы углубились в лес по нужде. И тут разведчики бесшумно схватили одного офицера и быстро стали удаляться.

Пить хотелось отчаянно, рот пересох, губы одеревенели. К концу дня добрались до места, где прошла гроза и где Гускин оставил кружку. И какое было у всех счастье, когда обнаружили ее полной дождевой водой.

– Ну, сержант, – смеялись разведчики, – угодила нам твоя Гусыня.

Выпили все по глотку, и этого было достаточно, чтобы подбодриться.

Гускин опять нацепил на себя кружку, и только они повели задержанного фрица, как рядом послышалась немецкая речь. Видно, враг осмелел, находясь недалеко от своих позиций. Их было трое, они подмышки волокли своего раненого с пистолетом в руке, а впереди них брел красноармеец с катушкой кабеля на спине, видно, наш пленный связист.

Немного пропустив немцев вперед, так чтоб они оказались в окружении, разведчики разом крикнули: «Руки вверх!» Тот, что пистолет держал, успел выстрелить, и пуля угодила Гускину в бедро. Остальные фашисты даже снять автоматы с плеч не успели.

Опять сержанта выручила кружка. Пуля пробил ее, и он получил совсем незначительное ранение, продолжая идти своим ходом.

Связисту передали оружие, чтобы он со всеми остальными конвоировал взятых языков. В полку четыре фрица дали ценные данные о дислокации своей армии.

Война еще долго продолжалась. Кружка у Гускина была непригодна для использования, но он по-прежнему носил ее с собой. Друзья говорили:

– Кружка Гусыни его от вражеских пуль оберегает!

С Гусевой Сашей они продолжали переписываться, она подарила ему свою фотографию. Он носил ее в нагрудном кармане возле сердца. Они договорились, что после окончания войны обязательно встретятся.

И этот долгожданный день настал. Враг был повергнут, и группу разведчиков демобилизовали.

– Друзья мои, птички, – сказал на прощание командир. – Наступило время расставания, мы разлетаемся кто куда по разным республикам. Но давайте договоримся: как только у кого появится птенчик, будем встречаться.

Прошел год, у Гускина родился сын, он оповестил всех однополчан – и все собрались, как и договаривались. Командир, а он и в гражданке был им начальник, оглядел всех присут-

ствующих за столом «птиц», потом посмотрел на своего малыша-птенчика, улюлюкающего и играющего с эмалированной кружкой, и произнес:

– Так вот, друзья мои. Наша «птичья ферма» начала размножаться, и я надеюсь, что вы поддержите этот почин. Постарайтесь плодиться и размножаться. Это я вам приказываю, ваш бывший майор Цапля.

В детской коляске малыш сказал:

– Угу! Угу!

Чемпион

Если бы проходили соревнования по метанию булыжника на точность, то Дима, наверняка, был бы в свои двенадцать лет чемпионом. Он всегда с первого броска точно попадал в цель. Для этого он подбирал камни, которые удобно держать в руке, и всегда, на всякий случай, носил несколько в кармане штанов, если вдруг кто-то из ребят захочет с ним посоревноваться.

Вот и на этот раз он выиграл состязание у своих дворовых товарищей – разбил фонарь, который не горел несколько месяцев. Все играющие разбежались, а его отвели к председателю села. И только стали Диму ругать за недостойное поведение, как неожиданно грянул взрыв, и это повторилось несколько раз. Все вокруг вздрогнуло, задрожало, и небо заволокло черным дымом с гарью.

Это началась Великая Отечественная война.

Дима жил недалеко от границы, рядом с чужой страной, откуда вероломно напал на нашу Родину враг и захватил их село. Немецкие танки с грохотом пронеслись в разные стороны, распахивая землю. Мотоциклисты подъезжали к домам, выгоняли всех живущих там на пустырь и, разделив на взрослых и детей, сажали по машинам.

Дима успел забежать в коровник и видел, как его маму гонят со всей толпой. Она, было, замедлила шаг, поглядела по сторонам, видно, искала его, но, получив от офицера прикладом в бок, упала. Ее подняли и затолкали в кузов. Он понял, что если сейчас покажется перед немцами, его тоже схватят. Злость у него появилась на фрица, который ударил маму: «Куда же их повезут? – подумал он. – Вот был бы папа рядом, подсказал бы, что надо делать! Да только он далеко в Красной армии служит».

Машины увезли всех сельчан, в селе стало очень тихо. Ночью Дима хотел бежать, но неподалеку стояли двое часовых. Утром в коровник нагрянули немецкие солдаты, увидев его, они вместе с коровой вывели их во двор и громко захохотали, может оттого, что он, как Буренка, был весь в сене. Знакомый уже офицер пальцем поманил его к себе и стал ощупывать растопыренные карманы, потом замахал рукой, как бы приказывая: «Вытаскивай, что там у тебя?» Дима вывалил на землю булыжники.

Фрица, видно, они заинтересовали, и он позвал переводчика, чтобы тот перевел слова для мальчика.

– Для чего тебе эти камни?

– Играть на меткость! – ответил Дима.

– Так попади в курицу! – ухмыльнулся он.

– Да я могу попасть даже в древко вашего флага, – невозмутимо ответил Дима.

И он поднял камень, покрутил его, слегка подкинул, как бы взвесив, и резко метнул, точно попав в древко. Знамя со свастикой рухнуло на землю. Офицер бросился его поднимать. Укрепил, с надрывом что-то прокричал, вскинул автомат и пошел навстречу к Диме.

Дима вспомнил, как этот немец прикладом ударил маму, и подумал, что ему точно достанется еще хуже. Он с ненавистью вмиг схватил камень и что есть силы запустил во фрица, точно угодив в цель. Тот схватился обеими руками за глаз и упал. Дима опрометью бросился

бежать. Раздалось шелканье оружейных затворов, последовали выстрелы. Он успел забежать за сарай, а там местность знакомая: кусты, лес, болото.

Всю ночь Дима шел, удаляясь от села, а утром повстречал идущий при полном боевом снаряжении отряд пограничников. Он рассказал им о бесчинствах немцев и как к ним скрытно подобраться. Его отправили в тыл, а позже он узнал, что та часть фашистов, что была в селе, уже уничтожена.

Вскоре Дима оказался на Урале в детском доме со многими своими ровесниками. Учился в общеобразовательной школе, а в свободное время показывал свое мастерство, как правильно кидать камень в цель, увлекая ребят этой игрой.

Через некоторое время в школе появились новые спортивные соревнования: бег, гимнастика, плавание, и успевающим, победителям в таких состязаниях, вручали значок с названием «Готов к труду и обороне». Учащиеся стали увлекаться этими занятиями и постепенно потеряли интерес к киданию камней.

Прошло два военных года. Дима не получил от мамы никакой весточки. А папа его нашел и приехал. Его демобилизовали по ранению. Сын был так рад, что готов был находиться с отцом весь день. Но тот устроился на работу взрывником по добыче полезных ископаемых и всегда возвращался домой поздно. Дима много раз просил папу взять его с собой на работу. Но получал один и тот же ответ: «Подрасти, сынок, окрепни немного, труд очень тяжелый и условия сложные».

А он давно считал себя крепким. От занятий физкультурой Дима стал сильным, ловким, и учителя в школе поговаривали, если у него пойдет так и дальше, вручат ему значок ГТО. И однажды папа сказал:

– Сегодня большой пласт земли будем снимать. Покажу тебе мирный взрыв для благосостояния Родины. Увидишь, как богата наша земля-матушка.

На месте, куда отец привел сына, Дима увидел вдалеке множество ярких флажков, обрамляющих контуры подрыва земляного пласта. Оттуда тянулся бикфордов шнур до самого укрытия, где находились инженеры и рабочие. Папа убедился, что никого нет на опасном участке, и скомандовал:

– Можно начинать!

И только подожгли бикфордов шнур, как увидели, что с противоположной стороны от намеченного взрыва с горы стала спускаться геологическая экспедиция... Видно, с пути сбилась и направляясь прямо в запретную зону.

– И откуда они появились? – закричал отец. – Докладывали мне: все благополучно!

Обстановка осложнилась: до геологов не докричишься, а бикфордов шнур горит, к динамиту приближается.

Дима быстро вскочил, подобрал подходящий камень, кинул – и точно попал в фитиль, погасив его. Это произошло так быстро, что секунду стояла тишина... А потом все, кто стоял рядом с Димой, подхватили его и с радостным криком «Молодец!» стали подкидывать. А больше всех радовался папа, что его сын такой меткий и сообразительный.

С тех пор Дима получил прозвище, вернее звание «Чемпион по метанию булыжников».

После окончания войны мама Димы вернулась из фашистского лагеря. Жизнь продолжалась со своими радостями и заботами. А Дима мечтал в будущем заниматься, как и папа, мирными взрывами.

Гаврош

Войска фашистской Германии вероломно напали на Советский Союз.

Пограничники первыми вступили в бой с противником и с трудом сдерживали его вторжение из-за превосходства фашистов в живой силе и технике. Группа связи разведчиков то и

дело докладывала в часть о продвижении врага, и полк менял дислокацию во избежание больших потерь, при этом нанося врагу неожиданные удары.

Однажды после очередного изматывающего дня, пройдя по болотам и через чащобы, связисты возвращались в часть. Решив перекусить, разложили под кустом паек: хлеб, тушенку. И тут вдруг в зарослях показалась маленькая чумазая голова пацаненка в большой кепке, закрывающей даже уши. Он вышел навстречу солдатам, худой, в рваной одежде, с огромными глазами, остановившимися на еде.

– Ну, что стоишь, малыш? Иди поешь! – первым сказал ефрейтор Степан.

Пацаненок сразу признал своих, сел посередине солдат и стал быстро поедать хлеб с тушенкой.

– Ты не торопись, – смеются солдаты, – это все твое.

Утолив голод, пацаненок продолжал сидеть посередине. Степан его спрашивает:

– Ну, теперь отвечай, откуда ты?

Он, не задумываясь, стал быстро говорить:

– Немцы, как вошли в село, взрослых и детей в разные стороны развели, забрали тятеньку, маманю и, тыча автоматами, куда-то погнали. Меня с ребятами стали сажать в вагоны. Я побежал. Немцы стреляли, вот, в кепку попали, – и он показал ее, простреленную насквозь. – Бежал долго и заблудился, чуть в болоте не утонул. Вас встретил, никуда отсюда не уйду! – выпалил он.

Солдаты задумались, лица их посуровели:

– Что будем делать с пацаном? – спросил всех Степан.

– Давай заберем его к себе, а там видно будет, – ответили ему.

В части доложили старшине о случившемся, он посмотрел на мальчугана, оглядел его с ног до головы, взъерошил грязные волосы и строго скомандовал (хотя у самого в глазах искорки радостно сверкали):

– Помыть его, переодеть, накормить и нехай живет. Будет всем сынок, наш Гаврош! А ты, Степан, раз привел его, так сшей ему форму.

С тех пор к мальчугану прилипло имя Гаврош.

Он оказался смекалистым, любознательным и скоро знал по имени всех солдат и старался разобраться в работе связиста. Ему это легко удавалось. Где бы часть ни находилась, он всегда был при старшине, помогал ему в деле. А Степан в свободное время сшил ему форму, одной иглой без швейной машинки, она получилась немножко нескладная, но была настоящая, солдатская. Когда отделение стояло в шеренгу перед инструктажем, старшина сначала останавливался перед Гаврошем, поправлял ему гимнастерку и только тогда давал всем указания. Словно это был ритуал на счастье связистам, идущим в логово врага, который продвигался в глубь России.

Однажды старшина, принимая данные от разведки, то и дело хватал то одну, то другую трубку телефона и передавал донесения в полк. Тут быстро вошел майор и с ходу заявил:

– Я срочно еду в полк. Гаврошу тут оставаться опасно, надо переправить его подальше.

И, вытащив из планшета два пакета, отдал один старшине, другой положил обратно. Старшина, не отрываясь от аппаратов, обнял Гавроша одной рукой и с теплотой в голосе проговорил:

– Надо, сынок. Надо!

Мальчуган хотел было расплакаться, но сдержался. Майор посадил Гавроша в машину, дал полный газ, и они помчались, подпрыгивая на ямах и кочках. Только тут Гаврош дал волю слезам. Ему было обидно покинуть друзей в самое тяжелое для них время.

Проехав километров шестьдесят, майор остановил машину и вышел зачем-то. Гаврош воспользовался моментом, открыл противоположную дверь и, пригнувшись, побежал к опушке леса. Скрываясь за деревьями, он видел, как майор бегал, окликал его, потом посмот-

рел на часы, сел в машину и рванул с места. Гаврош побежал назад по дороге, по которой только что проехал. Чем ближе к части, тем сильнее чувствовался запах гари. Слышались взрывы снарядов. Оказавшись еще ближе, увидел зарево горящих зданий. Ноги у него болели от не по размеру больших сапог.

Когда он пришел в часть, какой-то солдат, испачканный копотью до неузнаваемости, выносил связанное оборудование. Старшина то нажимал на зуммер, то крутил вертушку аппарата и кричал в трубку:

– Звезда! Звезда! Отвечай!

При виде Гавроша он явно удивился, но у него не было времени даже что-то сказать, и он продолжал вызывать:

– Звезда, отвечай!

Гаврош посмотрел на уставшего старшину, на кабель, тянувшийся от телефонного аппарата куда-то в неизвестность, и пошел вдоль него, крадучись, словно маленький зверек: через заросли, через болота. Когда он был весь уже мокрый и в грязи, провод наконец-то привел его к возвышенности. Ползком, незаметно он взобрался на нее и увидел много ям от взорвавшихся бомб. В одной из них лежал ефрейтор. Гаврош бросился к нему.

– Степанька, вставай! – тормошил его Гаврош.

Степан шевелил губами, но слов не было слышно. Одна рука у него висела, как плеть, другая была привязана к вертушке телефонного аппарата, видно, сил у него не было даже прокрутить ее.

Тут стал нарастать лязг гусениц и шум моторов. Гаврош выглянул из-за укрытия. По направлению к ним, словно полчище тараканов, ползла колонна танков, рядом шли вражеские солдаты, будто большой рой муравьев. Мотоциклисты с ревом приближались все ближе и ближе. Гаврош подумал, что там, за горой, никто не видит врага – ни солдаты-однопольчане, ни старшина.

И он взялся крутить вертушку:

– Я Звезда! Я Звезда! – кричал он звонким ребячьим голосом.

В трубке раздалось:

– Слушаю тебя, Звезда. Ответьте, какая обстановка.

– Рядом со мной много всякой техники, живой силы не сосчитать сколько.

– Как ты там оказался, Гаврош? – кто-то спросил испуганно.

– Стреляйте! Стреляйте по ориентиру, где нахожусь. Они уже рядом!

На этом связь прервалась, в трубке принимающего связь послышался треск.

Когда орудия полка перестали стрелять по указанному месту нахождения врага, было уничтожено большое количество разной техники неприятеля. Враг бежал, преследуемый нашими бойцами.

Гавроша нашли присыпанным землей и накрытым телом Степана, видно он из последних сил спасал мальчугана. Гаврош лежал, как бугорок земли, без движения, крепко сжав в руке телефонную трубку. Старшина поднял его, прижал к себе и побежал к транспортеру, ожидавшему их. Гаврош открыл глаза и тихо сказал:

– Тятя, я знал, что ты придешь первым.

Скоро Гаврош был представлен к ордену Славы с лентой – черно-оранжевой полосой, цвета доблести и славы, и ему было присвоено звание ефрейтора.

Сержанту Степану было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Гаврош прослужил в отделении связи у старшины до конца войны, до самой победы над врагом.

Демобилизовались они вместе.

Для старшины Гаврош навсегда остался сынок.

Крепко взявшись за руки

Капитана Волина выписали из госпиталя после ранения руки. Дали ему отпуск на месяц, чтобы отдохнул и кисть потренировал. Если движение не восстановится, не избежать ему увольнения из армии.

Он стоял в раздумье. «Куда ехать? Родители в эвакуации. Дома нет никого. Может, остаться при госпитале?» – размышлял он.

– Поехали ко мне, – предложил ему сослуживец майор Сечин. – Я в этих краях родился, тут и хата моя. На домашних харчах сил быстрее наберешься. Птичек послушаешь. Успокоишься. А за это время родителей разыщут, и в часть вернемся вместе.

Подумал Волин: «И правда, куда я с одной рукой?» – и согласился. Собрал форменную одежду, положил все в чемодан. Мундир на себе поправил. Фуражку надел зеленого цвета – цвета своей части и вышел во двор.

Возле госпиталя их уже ждала телега с унылой лошадей, в повозке сидела девушка, одетая по-мужски: в сапогах, брюках, телогрейке и нахлобученном до самых ушей картузе. Она бросилась к майору и расцеловала его.

Знакомься! – сказал Сечин Волину. – Моя сестра.

– Лена, – тихо отрекомендовала себя девушка, быстро села в телегу и всю дорогу до дома разговаривала с братом, изредка поглядывая на Волина.

В доме жизнь была спокойная. Сладкий запах хвои доносился из леса и приятно дурманил голову. Пели птицы, кудахтали куры – все это было странно видеть после шумного фронта. Майор Сечин каждый день что-то делал: колот дрова, чинил дом, забор, и везде ему помогала сестра в своей неизменной мужской одежде. Погода была сырая, грязь и огромные лужи были повсюду. Видно, ей было не до нарядов. Капитан наблюдал за их работой и хотел бы помочь, но кисть причиняла боль при любом движении.

– Поможешь, когда выздоровеешь, – говорил ему майор, а Лена делала вид, что его не замечает.

Обедали все вместе. Брат и сестра, помыв руки, не переодеваясь, перекусив, спешили опять трудиться.

Прошла неделя, как капитан прожил в этом местечке, но стал тяготиться, ему казалось, что он тут бездельник. И решил: «Уеду! А оставшиеся дни проведу в родительском доме».

– Спасибо за гостеприимство! – сказал он. – Отдохнул и хватит.

Майор уговаривал капитана не спешить с отъездом, но тот заявил, как отрезал: «Еду сегодня!»

Телега, скрипя, подъехала к крыльцу. На ней сидела молодая, красивая, в шерстяном платье, стройная, крепко сложенная девушка. Капитан не сразу опознал в ней Лену, а потом оторопел. Он сел в телегу и не оторвать от нее взгляда. Ехали они долго, молча, он все смотрел на нее, а она ни разу не повернулась к нему лицом.

– Стой! – закричал Волин. – Поворачивай назад! Душа разрывается, не могу дальше ехать!

Она обернулась, и тут он увидел ее заплаканное лицо. Он понял, что нравится ей, да и она ему в душу запала. Капитан снял ее с телеги, не почувствовав даже боли в руке, взял за руку, и они не спеша пошли рядом. Телега скрипела позади них, но им казалось, что это радостная мелодия.

Прошло время, закончилась война, капитан стал генералом. И где бы он ни был с женой, они всегда шли вместе, крепко взявшись за руки.

Отличный пограничник

Это была цирковая династия: Лёня с папой и дедушка. Раньше они выступали, занимаясь джигитовкой на скачущих лошадях. Но папу забрали в армию, и дедушка перешел на дрессировку волчонка. Волчонок вырос большой, сильный, сообразительный, и назвали его Серый. Дедушка подогнал волку сбрую, будто он лошадь. Лёня садился верхом на него и махал саблей. Делая акробатические упражнения, он мчался по арене под ликование зрителей. Лёня был мал росточком, но физически развит. Ему шел седьмой год.

Самый главный номер у них был, когда дедушка с кожаным портфелем обходил зрителей и раздавал им листочки с буквами. А волк позже обходил посетителей, находил у них листочки и нес на арену, складывая в слова:

– Цирк начинается!

Зал рукоплескал, а дедушка из портфеля вынимал что-то вкусное и давал Серому в качестве вознаграждения. После этого Лёня верхом на волке уезжал, а дедушка, собрав все буквы в портфель, бежал за ними, догоняя своих партнеров.

Как-то дедушку и Лёню пригласили выступить с концертом в погранотряде недалеко от границы. Они уже не первый раз там выступали и радостно согласились. На их представление собрался полный зал: офицеры, солдаты и штатские. Зал дружно смеялся, увидев, что волк лошадью стал, и восхищался лихим седоком – мальчиком, мчавшимся на нем по арене.

На следующий день с раннего утра дедушка, Лёня и Серый поехали на машине давать концерт в комендатуре. Проехав несколько километров, они услышали над собой гул и рев пролетающих самолетов. И первый снаряд, выпущенный с противоположной стороны границы, взорвался прямо рядом с машиной. Это началась Великая Отечественная война.

Машину перевернуло. От взрывной волны Лёня обо что-то ударился и потерял сознание. Он очнулся, когда кто-то стал его сильно трясти. Лёня открыл глаза. Солнце уже шло на закат. «Видно, я долго лежал без сознания», – подумал он и увидел рядом кованый сапог. Над ним стоял солдат в немецкой форме. Лёню подняли за воротник курточки и повели мимо хохочущих фрицев, мимо тархтевших мотоциклов и военных, расквартированных уже по хатам. Его привели в просторный дом, за столом сидел человек в блестящих погонах.

«Наверно, это начальник, офицер», – решил Лёня.

А тот поставил на стол открытый портфель и спросил:

– Твой?

Лёня узнал свой портфель и поэтому ответил:

– Мой!

– Что за секрет в листочках с буквами? – задал вопрос офицер.

– Да это цирковой реквизит. Мы с дедушкой концерт давали.

Начальника, видимо, Лёнины слова заинтересовали, и он спросил:

– А много зрителей было в зале? И что ты там видел?

«Так он по количеству людей хочет определить, сколько военных здесь!» – сообразил Лёня и ответил:

– Я на арену смотрел, мне было не до этого.

Тут Лёня получил затрещину и упал.

– Отвечай, когда спрашивают! – с надрывом закричал начальник, позвал солдата, что-то прочеканил ему по-немецки и вышел, а часовой остался.

Лёня вытер опухшую губу и задумался: «Что бы мне придумать? Как удрать отсюда? И где сейчас дедушка и Серый?»

Обычно, если Лёне нужен был волк, то он свистел ему и тот немедленно прибегал. Но сейчас опухшая губа не слушалась, он и хотел бы это сделать, но получалось одно гудение.

Превозмогая боль, Лёня сложил губы и еще раз сильно дунул. Вначале свист получился слабенький, но затем звонче, и он повторил его еще раз. Часовой оглянулся. Тут дверь резко распахнулась, и в помещение влетел Серый волк. Был он страшен: огромный, шерсть взъерошенная, пасть раскрыта, язык висит до груди. Часовой как стоял, так и обмер. Лёня прыгнул на спину Серого, ухватил его за ошейник, и волк каким манером влетел, таким и вылетел – только их и видели.

Пришел начальник. Увидел: нет мальчика! Спрашивает: «Где он?» Часовой стоит, глаза вытаращил и бред несет: «Его волк унес!» Сочли, что солдат умом тронулся.

А Серый с Лёней уже мчались в отряд. Там их встретили. Волк где-то поранился, рана кровоточила, ее промыли, подлечили. Лёня же рассказал сколько видел вражеских фрицев, и даже нарисовал, где что находится.

В эту ночь пограничники отбили у врага хутор, дали время подойти нашим войскам ближе к границе. Но неприятель был силен.

Лёню и Серого решили отправить в тыл. Волк от еды отказался и все прислушивался к шуму надвигающейся канонады, а потом вдруг неожиданно исчез, и никто этого не заметил. Связисты даже позвонили в полк, предупредили: «Если увидите собаку или волка, не стреляйте!»

Только к вечеру Серый вернулся, и не один, а с портфелем в пасти, а позади него медленно брел дедушка. У волка сбоку было красное пятно, не то от старой раны, не то он выдержал очередную бой. Но самое важное – когда открыли портфель, там обнаружили карты наступления немцев.

Дедушка рассказал, что, когда его допрашивали, фриц-начальник отобрал портфель и приспособил его для своих дел, а потом неожиданно ворвался Серый и устроил целое сражение.

Солдаты слушали дедушку и с уважением поглядывали на волка. А начальник отряда похлопал по холке Серого и произнес:

– Герой! От имени всех однополчан за доставленные ценные данные награждаем тебя знаком «Отличный пограничник» – и закрепил его на ошейнике Героя.

Дедушка тоже подошел к Серому, достал что-то из заветного портфеля и дал ему. Волк с удовольствием съел и попросил добавки.

На следующий день Лёня с дедушкой направились в тыл, чтобы дать там концерт.

Герой Серый до самой победы над врагом участвовал со своими верными друзьями в цирковых представлениях и гордо носил на ошейнике знак «Отличный пограничник».

Конек-Горбунок

Ворон летел за голубем, хотел его клюнуть, но тот изловчился и сел во дворе возле конюшни. Оттуда вышел юноша лет пятнадцати, но не по возрасту одетый – в гимнастерке, брюках галифе, больших сапогах – и шугнул ворона. Тот, каркая, улетел, а голубь остался. Мальчик насыпал ему горсточку овса и заботливо сказал:

– И откуда ты взялся? Все птицы давно покинули деревню. Испугались шума доносившейся канонады. Набирайся сил и тоже улетай!

И правда, вдалеке раскатисто загромыхало, казалось, что по всему горизонту идет и приближается страшная гроза. Это напала и надвигалась на Родину вражеская немецкая армада.

Юноша вывел из конюшни лошадь: маленькую, приземистую, с большой блестящей, хорошо ухоженной гривой. Вся шерстка на ней смотрелась будто плюшевая. Была она уже в сбруе, с седлом, удилами и поводьями. Сбоку у нее висела в ножнах сабля и кнут из высушенной козьею ноги – у кавалеристов такой кнут считался шиком.

Из дома, стоящего рядом, выбежала женщина и кинулась к мальчику.

– Петя, я тебя не пушу. Отец ушел на фронт, ни одной весточки от него нет, и ты собираешься туда же. Не пушу! Ты единственный помощник остался.

– Мама, – отвечает сын, – я тебе давно говорил. Тут недалеко кавалерийский эскадрон. Я еду туда, не возьмут меня – вернусь! А тебе сегодня надо уезжать. Придет машина, и тех, кто остался еще в деревне, отвезут в тыл.

Мать знала настойчивость сына, весь в отца, что задумает, уже не остановить. Она надеялась, что он вернется, обняла его, перекрестила.

Сын лихо прыгнул на лошадь, похлопал ее по холке и скомандовал:

– Пошла, Пулька!

Лошадь сразу поскакала, а он то и дело оглядывался, махая рукой матери.

Весь день Петя добирался до места назначения, шум канонады доносился все ближе и громче. Его останавливали патрули, заставляли разворачиваться обратно домой. Но он обходил их стороной и к вечеру оказался в кавалерийском эскадроне. Встретили его не так, как он ожидал. Недоброжелательно.

– Ты зачем, малец, сюда пожаловал? – сердито спросили его.

– Я хочу служить у вас в кавалерии, – не моргнув глазом, отчеканил он.

– На этом Коньке-Горбунке? – заулыбались военные.

Видно, их заинтересовал этот мальчик и его смешная лошадка, и они поинтересовались:

– А что ты умеешь делать, как боец?

– Все, чему научил меня папа-кавалерист! – ответил он.

– Ну, тогданими вон ту фуражку, висящую на жерди.

– Это я могу, – заверил Петя. – Только пусть Пулька немного отдохнет.

И тут он вытащил из грудного кармана гимнастерки маленький кусочек сахара, который сейчас был для всех редкостью, взял лошадь за уздцы и отдал его ей. Она с наслаждением, закрыв глаза от удовольствия, захрустела.

Потом Петя выхватил саблю из ножен, прыгнул в седло, сел стройно, как кавалерист на параде, и высоко взмахнул саблей. Пулька, словно услышав его приказ, рванула с места галопом. Петя, не останавливаясь перед жердью, махнул саблей по фуражке, да так хорошо ее поддел, что она упала не поврежденной. Кавалеристы от удивления долго молчали, а потом разом заговорили:

– Ты молодец, и твой Конек-Горбунок тоже!

Тут подошел командир эскадрона и спросил:

– Как звать тебя, мальчик?

– Петя.

– Сколько лет тебе?

– Семнадцать.

– Паспорт покажи.

– У меня только метрика.

Прочитал командир документ, увидел в нем, что Пете только пятнадцать лет, улыбнулся и сказал:

– Кавалерист-то ты, я вижу, отменный, но мал еще, чтобы служить в армии. Подрасти немного. Сейчас поешь и – спать. Коня твоего тоже накормим. А завтра с утра отправляйся домой.

Рассвет еще не наступил, когда раздался тревожный звук трубы, она трубила сбор: «По коням!» Весь эскадрон враз собрался на оседланных, встревоженных предчувствием боя конях.

Петя замешкался. Пока разбирался у Пульки с ремнями, удилами и поводьями, кавалеристы ускакали, и он помчался вслед за ними. Его заметили уже, когда они все, придерживая коней, стояли на краю лесной чащи. Командир подошел к Пете и строго приказал:

– Последним поедешь и так всегда держать! – а сам стал пристально разглядывать в бинокль незнакомый поселок.

Кавалеристы разделились на две группы, все рысцой, затем галопом помчались на поселок. В окна домов полетели гранаты, раздались взрывы, лязг сабель и хрип лошадей. Фрицы выбегали, но их настигали кавалеристы. Бой закончился так быстро, что враг не смог опомниться, и их кони не успели убежать.

Кавалеристы готовились возвращаться в полк, вдохновленные, что у них нет потерь. Пете с его лошадкой разрешили ехать впереди всей конницы. Только они тронулись в путь, как Пулька встала и не с места, уши у нее ходуном ходят, ноздри раздулись. Впереди, возле дороги, виднелось какое-то строение, не вызывавшее никаких подозрений.

– В чем дело? – спросил Петю ехавший рядом конник.

– Пулька что-то почувствовала, – говорит Петя.

Напарник улыбнулся, не поверил, но на всякий случай доложил командиру. Тот послал пеших разведчиков, чтобы они скрытно, незаметно все разузнали. Скоро строение разлетелось от мощного взрыва. Оказалось, кавалеристов там ждала вражеская засада пулеметчиков.

– Нас бы тут много полегло, не предупреди нас Конек-Горбунок... Наш малыш – молодец! – ласково хвалили его кавалеристы.

Кто-то дал Пульке кусочек сахара, от которого она не могла отказаться – это было ее любимое лакомство. Петя не удивлялся чутью своей лошади, она и раньше осторожно обходила все незнакомые места.

С тех пор Петю оставили в полку, стал он настоящим кавалеристом, на полном довольствии и в почете. Форму ему подогнали по размеру, и звать стали как взрослого – Петр, а лошадке пристало прозвище Горбунок.

Кавалерийский эскадрон продолжал громить врага, нагоняя на него страх своей внезапностью. Фашисты же вели на них настойчивую охоту на мотоциклах с оружием, пытались догнать и уничтожить своим количеством.

Однажды, чтобы оторваться от неприятеля, нужно было пройти через поле необранного картофеля. Пулька неожиданно встала возле него и дальше не идет. Петя не стал ее подгонять, догадался – зря она не запряжится. Позвали конника, разбирающегося в минах. Опасение подтвердилось. Он провел весь эскадрон по одной безопасной тропе, и, лошадь за лошадью, они, счастливые, перешли через поле. Тут Горбунку достался уже не один кусочек сахара, а целая горсть. Он хрустел, и слюна от наслаждения капала у него изо рта.

Петр со сплоченными воинской дружбой кавалеристами участвовал во всех боях летом и осенью. Зима наступила неожиданно холодная, со студеным ветром. Снег шел, не переставая, и запорошил все на пути эскадрона. В этот момент их и окружили вражеские танки.

– Против танков саблями не повоюешь, – заявил командир, – надо выбираться!

А куда, в какую сторону – везде фрицы. Лошади устали, по грудь в снегу – они даже не шли, а толкали своим телом плотный снег, с трудом пробивая путь.

«Хуже нет, чем неизвестность, когда не знаешь, куда идти», – думали кавалеристы.

– Товарищ командир, дайте Пульке самостоятельность! Она нас выручит! – предложил Петр.

Командир подумал: «Не первый раз спасает Горбунок, может, и на этот раз выручит».

Петя вытащил из нагрудного кармана остаток сахара и дал Пульке. Отпустил свободно поводья и похлопал лошадь по гриве. Петя никогда не стегал лошадь плеткой, она была только для форса. Горбунок встрепенулся, зафыркал, развернулся и пошел в другую сторону. В начале пути снега было много, но чем выше кавалеристы поднимались за Горбунком, тем меньше его становилось, видно, ветром сдувало, даже местами появились кусты. Скоро весь эскадрон взобрался на возвышенность. Неожиданно с противоположной стороны показалась огромная

колонна танков со звездами на броне, на которых находились солдаты в белой маскировочной форме и с автоматами наперевес.

Командир кавалеристов поднял высоко красное знамя, но тут раздался выстрел. Видно, целились в него, а попали в Горбунка, который стоял рядом и загородил командира.

Пулька упал вначале на передние ноги, потом на задние и рухнул на землю.

– Зарядить всем ружья и по кустам. Огонь! – разнеслось по эскадрону.

Как позже узнали, в кустах находился вражеский снайпер-корректировщик.

Петр наклонился над Горбунком. Его огромные глаза словно говорили: «Извини, друг, я не хотел тебя огорчать. Так получилось». Конь уткнулся головой Пете в грудь, где у того в кармане всегда был сахар.

Тут подошли кавалеристы, у кого остался сахар или песок от него, положили рядом – большая сладкая горка выросла возле рта Горбунка. В глазах его застыло молчаливое «Спасибо!»

Откуда-то появился ворон. Он громко и тревожно каркал с высоты.

Прошло какое-то время. Петю отправили учиться в военное училище на офицера и в дальнейшем служить в пограничной кавалерии, а эскадрон еще долго воевал, до самой Победы! За Родину, за Горбунка!

Кукольник

Шла изнурительная война с фашистской Германией.

Если выдавался маленький перерыв между боями, красноармейцы устраивали перекур, чтобы отдохнуть, отвлечься от сражения с ненавистным врагом.

Один солдат в отделении никогда не скручивал сигарку с табаком. Он всегда в это время что-то увлеченно мастерил, что-то вырезал из дерева небольшим перочинным ножом и изредка точил его на каменном оселке. Однополчане не обращали на него никакого внимания: «Ну, мастерит, значит, ему это нравится», и не мешали солдату трудиться.

Как-то он изготовил деревянного человечка. Сшил и надел на него военную форму, присоединил к нему ниточки и укрепил на них коромысло. Потом, держа его в руке, поднял, и человечек как бы не спеша встал и пошел вразвалочку, точно как старшина, даже лицом он был похож на него. Красноармейцы, увидев это, засмеялись, перестали курить и окружили кукольника. Было удивительно смотреть на старшину, воплощенного в куклу. А когда она вдруг заговорила его голосом, дружный хохот грянул в окопах и усталость как рукой сняло.

Кукла открывала рот и рассуждала:

– Я сегодня каждому бойцу за храбрость, за разгром противника дам по пять сосисок, если будет мало, свою отдам. Мне не жалко. Только были бы вы все здоровы и сыты!

Старшина, увидев свой образ, схватился за живот, затрясся от смеха и то и дело повторял:

– Молодец, артист, всех развеселил. Молоде-ец!

С этого дня, если было свободное время, солдат-кукольник по просьбе однополчан давал представление. На него приходили посмотреть и из других подразделений, забыв даже о куреве.

Кукла забиралась на ящик из-под снарядов, чтобы ее все видели, и начинала свой концерт, прохаживаясь по деревянным дощечкам, стуча сапожками и разговаривая со зрителями:

– Вижу, вы хорошо мой приказ старшины исполняете. Пузо, как барабан, наели. Стали brave молодцы и оружием владеете играючи. Фрицы со страху от вас бегут, только подковами сверкают, даже догнать их уже не можем. А догоним, последнему немцу подзатыльника дадим, чтоб не приходил больше! – и кукла с деревянным автоматом повернулась в сторону, откуда был слышен грохот канонады, и погрозила прикладом. Солдаты от восторга хлопали в ладоши громче, чем были выстрелы из винтовок.

Концерты давались от случая к случаю. Красноармейцы всегда спешили посмотреть их, иногда даже отложив на потом написание письма домой.

В один из дней кукольник находился на переднем бовом крае, вместе с однополчанами гнал неприятеля прочь из нашей страны. Неподалеку разорвался снаряд, и маленький металлический осколок, отлетевший от него, попал ему в грудь. Он упал. К нему подползла медсестра, хотела помочь, но это ей было не под силу – душа уже покинула его.

Попрощаться с солдатом пришел весь полк. Старшина взял коромысло с веревочками, хотел поднять куклу, чтобы она в последний раз прошла возле своего мастера, артиста и воина. Но она никак не хотела стоять на ногах и то и дело заваливалась то на один бок, то на другой и падала. Старшина положил ее рядом с кукольником. Прощальный выстрел из орудия разнесся громким эхом.

Вскоре враг был разгромлен.

На месте гибели воина-артиста был поставлен памятник «Солдат с Куклой».

Маленький солдат

Враг неожиданно напал на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война.

Стрелковой части выпало вести бой с превосходящим в военной технике противником, и приходилось то отступать, то наступать. Старшина то и дело принимал пополнение новобранцев. Вот и на этот раз к нему прибыло тринадцать солдат из разных родов войск, уже обученных военному делу. Все высокие, широкоплечие, как на подбор, и только один маленький, в лихо надвинутой на затылок пограничной фуражке.

Старшина познакомился со всеми, узнав имя, отчество и только последнего солдата долго разглядывал: «И зачем таких маленьких берут в армию? Ну ладно, сидел бы в засаде на границе, его там не видно, а тут винтовка в два раза выше его. Да он даже среди кирзовых сапог затеряется». А боец стоит и тоже со старшины глаз не сводит, даже не шевелится, винтовку крепко в руках держит – видно, сила в нем есть.

– Как фамилия? – спрашивает его старшина.

– Маленький! – отвечает солдат.

– Да я знаю, что ты маленький, как величать тебя?

– Так и величайте. У меня фамилия такая.

В строю засмеялись, и кто-то съехидничал:

– Он коротенький!

– Прекратить! – прервал насмешников старшина. – Всем сейчас на отдых, завтра будет тяжелый день.

Утро началось с далекой канонады, слышались глухие взрывы, казалось, земля зашевелилась. Бойцы расположились в подготовленном окопе. Прикинули к брустверу и глядели вдаль, где был противник, но из-за серого тумана, надвигающегося волнами, ничего не было видно. По команде старшины солдат-знаменосец высоко поднял красное полотнище. Знамя в его руках даже не шелохнулось, словно предчувствовало, что главная его цель – впереди.

– В атаку, вперед! – разнеслось по окопам.

И тут со стороны врага застрочил пулемет, древко разнесло в щепки. Вражеский пулеметчик, видно, был классным специалистом по меткости и, казалось, насмеялся над всеми.

Чтобы не терять бойцов, старшина скомандовал: «Всем в окоп!» – и, схватив телефон, стал докладывать обстановку в штаб, чтобы данный объект врага не бомбили, под обстрел могут попасть свои.

– Дайте пять минут на обдумывание, – заявил он в трубку.

Маленький слышал весь разговор и, пока старшина продолжал что-то громко говорить, засунул знамя себе под гимнастерку, свернул ремнем несколько гранат, нахлобучил фуражку пограничника до самых глаз, перепрыгнул через бруствер и пополз.

Это случилось так быстро, что сослуживцы не успели ничего ему сказать, а старшина увидел только подметки сапог удаляющегося Маленького и крикнул:

– Назад, боец! Назад!

Но он молчал и упрямо полз в сторону врага.

Туман уже рассеивался, все прильнули к брустверу, и старшина со всеми, не отрываясь, глядел на удаляющегося солдата. Маленький полз, и со стороны своих было видно, как он лихо прятался за камнями и в кустах, продвигаясь к цели.

Старшина то и дело от переживания тер висок, дал указание не шуметь, словно успокаивал неприятеля, что ни один солдат не пойдет в атаку.

Маленький уже близко подобрался к дзоту, из которого стрелял противник. Его заметили, и пули зашелкали по валуну, за которым он успел спрятаться. Не останавливаясь, проявляя чудеса ловкости, он прыгал от валуна к бугру, словно заяц, и полз по земле, по траве, будто змей невидимый. Его даже враг потерял из виду, строчил из пулемета куда попало. Маленькому этого было достаточно, чтобы быстро оказаться там, где укрылся враг. Он бросил в амбразуру дзота связку гранат. Грянул мощный взрыв.

Когда черный дым рассеялся, все увидели Маленького с развевающимся красным знаменем в руках. И всем показалось, что он был похож на великана. Солдаты, воодушевленные героизмом однополчанина, словно связанные чем-то воедино, враз примкнули штыки к винтовкам и бросились в атаку. Громкое «Ура» долго доносилось с разных сторон поля боя и замолкло лишь тогда, когда враг был разгромлен.

После боя старшина вызвал Маленького и сказал ему, словно прочеканил:

– За смелость и сноровку будешь награжден! А за невыполненный приказ «Назад!» – наряд вне очереди: двое суток чистить картошку у повара!

Маленький понял – старшина его пожалел: чистить картошку – это все равно, что получить увольнение на отдых.

Когда Маленький вернулся в часть, все солдаты почему-то больше не называли его по фамилии. А звали «Великан». А он был не против.

«Ёлки-палки»

Два года шла Великая Отечественная война.

В семье Николаевых отец, кадровый офицер, уже находился на фронте, а сына только сейчас забрали в армию. В начале службы он регулярно писал письма, когда учился в военной спецшколе, а потом неожиданно замолк и не подавал ни одной весточки о себе.

Николаев-отец, майор, служил политруком, и его часто посылали на передний край боевых действий. Вот и на этот раз он осматривал местность, где шел ожесточенный бой небольшого подразделения красноармейцев с превосходящим в живой силе противником. Связь с полком была нарушена, ее восстанавливали, но она постоянно прерывалась. Вокруг окопа белый снег смешался с серой землей, повсюду виднелись дымящиеся воронки от снарядов, земля дрожала, пули свистели, пахло горьким порохом. Порою грохот ненадолго затихал, и тогда солдаты располагались в укрытиях, закуривали махорку, дымя и немного успокаиваясь.

По плану майор уже должен был возвращаться в полк с донесением об увиденной обстановке. Проходя возле раненых, он заметил мечущуюся вокруг медсестру. На носилках рядом лежал штатский мужчина с забинтованной до самых бровей головой, опухший и без сознания.

– Что случилось? – спросил майор медсестру.

– Да вот, к нам только что принесли раненого, – и она на минутку замолкла, – его бы в лазарет отправить, да связи пока нет, а я здесь нужна, раненых очень много.

– Вот тебе и елки-палки! – воскликнул майор (была у него такая привычка еще на гражданке – при неожиданных обстоятельствах так высказываться) и продолжил: – Бежал-то, видно, штатский к нам не зря. Не дай Бог душа его покинет. Я сам доставлю его до полка. Мне как раз туда надо срочно возвращаться.

Он поправил форму, пистолет, накинул на себя белый маскировочный халат и, ухватив за ручку носилки, ползком потащил раненого в сторону своих. Ему бы только из этого простреливаемого пространства выбраться, а там повозка или машина доставит их до места назначения.

Снаряды неприятеля снова стали разрываться, долетая и до них. Поле с редкими деревьями все было изрыто воронками. Майор то и дело сползал с носилками то в одну, то в другую воронку, надеясь, что два раза снаряд не попадет в нее, и продолжал ползти, оставляя за собой глубокий след от носилок.

Вдруг между деревьев майор увидел группу фрицев. «Видно, эти диверсанты наткнулись на наш след», – рассудил он и, сняв с себя маскхалат, накрыл им раненого, чтобы тот был менее заметен на снегу. Сам встал возле одинокой березки и выстрелил. Немец упал, а вслед раздалась автоматная очередь. Березку разнесло в щепки.

В этот же момент со стороны тыла неожиданно появилось многочисленное,двигающееся вперед широким фронтом, молчаливое, но суровое советское воинство. Немцы без выстрела решили ретироваться.

– Вот тебе и елки-палки! – с облегчением громко сказал майор, вытирая ладонью мокрый лоб.

Мужчина на носилках, видно, очнулся, протянул ему руку и тихо проговорил:

– Папа, это ты?!

Майор замер. Он услышал родной голос, который ни с кем не перепутаешь. В сердце кольнуло, и он бросился к сыну, обнял свою близкую, дорогую кровинушку, повторяя одни и те же слова:

– Я, сынок! Я, твой отец!

Вдалеке на передовой раздавались громкие раскаты «ура!».

Вскоре грохот орудий замолк. Отец привез сына в лазарет. Позже он узнал, что его сын, солдат-разведчик, доставил в подразделение ценные данные о дислокации войск противника.

После этой встречи отец и сын Николаевы не виделись два года и встретились только после окончания войны на параде в День Победы над врагом.

Самолет

Получив карточки на хлеб, мама сказала:

– Сынок, папа у нас на фронте, теперь мы должны помогать друг другу. Ты большой, уже в первом классе, твоя обязанность: хорошо учиться, прибираться в доме и ходить за хлебом в магазин. Вот тебе хлебные карточки – твоя и моя. Не потеряй их! А я пошла на работу, приду утром.

– Хорошо, – ответил Вова, надел пальто и не спеша пошел в магазин.

Идет, карточки разглядывает: «Обычная бумажка, и что их мама так бережет?»

По дороге он увидел тетю, в руках у нее был красивый игрушечный самолет, с большими крыльями, с красными звездами и с легчиком внутри.

– Продаю! Продаю! – твердила она.

Вова уже видел такой самолет на фотографии с папой, но этот был как настоящий, с ним можно было играть. Вова стоял и не мог оторваться от него.

– Тетя, а сколько стоит самолет? – спросил он.

- Тебе, малыш, не по карману, – ответила она.
- А если я отдам за него хлебную карточку?
- Это другое дело!

Отдал Вова ей хлебную карточку и получил взамен самолет. На оставшуюся мамину взял хлеба и с покупками вернулся домой. Потом схватил самолет и побежал во двор, чтобы показать его друзьям-приятелям. Ребята сбежались, всем захотелось поиграть с ним. Стали они бегать с самолетом по двору, по улице и громко жужжать:

- Ж-ж-ж-жиии!

Долго играли, пока не устали.

Мама пришла утром с ночной смены. Вова еще спал. На столе она увидела небольшой кусочек хлеба, а рядом самолет и сразу обо всем догадалась. Слезы накатились у нее на глаза: «Нам еще неделю жить до новых карточек, а как быть сейчас?»

Она взглянула на сладко спящего сына, взяла самолет, подержала его и снова поставила на стол. Вдохнула и медленно, словно не желая этого делать, положила его в сумку и вышла, чтобы продать и выручить немного денег.

Вова проснулся, кинулся к самолету, но его там не оказалось. Он все углы обшарил, в форточку выглянул: «Куда же он подевался?» Вдруг друзья прибежали, кричат наперебой:

- Вова, Вова! Твой самолет над домом кружится!

Выбежал Вова во двор и правда: самолет виражи делает, чуть крышу дома не задевает. Точно его самолет! Только размером больше – с большими крыльями, с красными звездами. Он им крыльями приветливо машет, а летчик улыбается, на папу похож. Полетал самолет, полетал и скрылся.

Вернулся Вова домой. Мама его встречает, улыбается, а на столе, как прежде, самолет стоит – тот самый игрушечный.

– Ты ко мне вернулся! – воскликнул Вова и радостно сказал: – Мама, я сегодня на этом самолете видел папу. Он мне рукой помахал.

Мама, ничего не сказав, нежно обняла сына и подумала: «До следующих карточек как-нибудь проживем».

История времен войны

Когда началась война с фашистской Германией, Валентина, девятилетняя девочка, осталась с матерью. Отец ушел добровольцем на фронт, хотя ему предлагали остаться в тылу, как руководителю крупного предприятия.

Жили они до войны в достатке. А тут в магазинах начались перебои с продуктами – уже с утра собирались огромные очереди, и не все могли отовариться. В стране ввели карточки – пайки на хлеб и другие продукты, но этого было недостаточно, чувствовался голод. Мать вынуждена была пойти работать на завод, где труженикам тыла давали дополнительные талоны на питание. Этот завод находился в Москве, а они с дочкой жили в пригороде, и ей приходилось вставать рано утром, чтобы успеть на поезд. Возвращалась она глубокой ночью.

Валентина училась в школе, там во всех классах не прекращались занятия. Только изменилась обстановка возле дома. На поле поставили зенитные орудия, которые то и дело громыхали, сотрясая бревенчатый дом, и разгоняли и уничтожали самолеты врага, прорывавшиеся к Москве.

С каждым годом жить становилось тяжелее. Валентина с матерью стали вскапывать во дворе землю, сажая картошку, и пилили засохшие деревья, заготавливая на зиму дрова. Делали они это вдвоем: уставшая мать и маленькая неокрепшая девочка, желавшая как-то угодить родительнице.

За несколько месяцев до окончания войны прибыл отец. Мать и дочь были счастливы и думали, что его демобилизовали навсегда и, наконец-то, им станет легче жить. Но оказалось, их морской полк перегоняют с дальневосточного фронта на запад в сухопутные войска, и командование дало ему возможность проведать близких. Он переночевал, а утром встал, обнял обеих, поцеловал и уехал.

От отца, как и раньше, они получали письма, даже чаще, чем когда он был на дальневосточном фронте.

Прошло девять месяцев. Мать, беременную, отправили в роддом. И в самый канун дня победы над врагом у них родился сын. В это время Родина ликовала: фашизм побежден. А в дом пришла повестка: явиться в военкомат.

Валентина пришла по вызову. Ей вручили предметы, оставшиеся от отца: планшет офицера, две фотографии – жены и дочери и незаконченное письмо: «Скоро буду с вами, мои ро...»

Несколько дней она не говорила матери о нагрывшем горе. И только когда та привезла новорожденного домой, Валентина показала ей извещение о гибели отца. Мать охнула, присела на стул, обхватила голову руками и запричитала:

– Доченька, как же мы будем с тобой дальше жить? Дитя кормить надо. Дом разваливается. Тебе надо школу закончить, в институт поступить.

Валентина хотела успокоить маму, но горький спазм сковал ее горло. А маленький братик громко плакал, будто тоже узнал, что отец погиб.

Сдав с отличием экзамены за девятый класс, девочке пришлось пойти работать на завод.

Подруга журавушка

Враг прорвался на территорию России. На границе шла ожесточенная окопная война. Бойцы отражали натиск неприятеля, и его наступление захлебывалось. Но он продолжал стрелять по ориентиру – высокому сухому дереву с большим журавлиным гнездом.

Сержант Журавлев (фамилия у него была такая) решил спилить дерево. Только подошел к нему, услышал не то стон, не то плач на макушке, где было гнездо. Он полез наверх и обнаружил в гнезде двух журавлей: один был мертв, видно, в него осколок снаряда попал или пуля угодила, а другой лежал на нем еще живой, очевидно, не хотел бросать погибшего друга. Был он обессилен и недвижим, наверно, уже много дней не ел и не пил. Птица даже не испугалась при виде человека. Он взял журавля и, держа его одной рукой, стал спускаться с дерева. Солдаты, оказавшиеся рядом, смеются: «Сержант Журавлев свою журавушку нашел». И правда, это была самочка.

Попросив однополчан спилить дерево, он пошел в окоп, нашел местечко, где слышимость взрывов во время боя была поменьше, расстелил на земле телогрейку и уложил журавушку. Она, по-прежнему, не сопротивлялась. Сержант дал ей из кружки попить. Она с жадностью стала хлебать воду большими глотками.

– А чем кормить-то будем? – спросил он окруживших его солдат. Те восприняли его слова серьезно.

– Можно давать ей то, что мы сами едим. Пусть на нашем довольствии будет.

И с этого дня каждый солдат приносил ей что-то вкусненькое из своего пайка, а то и из своей заначки. И удивительно – солидарная любовь солдат к журавушке подействовала. Она стала быстро поправляться, узнавала всех, кто к ней приходил, а особенно радовалась сержанту, даже если он еще был далеко от нее. Все говорили: «Наверно, узнает по звяканью медалей, что висят у него на гимнастерке».

Она ласково его встречала, тыча головой ему в лицо, в грудь и курлыкала. Солдаты смеялись: «Вот сержант себе подружку нашел!» – и сами радовались. Придут после боя в час зати-

шья усталые, погладят ее, усталость враз исчезает. Казалось, все чувствовали, что веет от нее домашним уютом и теплом.

Однажды, когда журавушка оправилась, а полку предстояло идти вперед, в наступление, они решили ее отпустить. Сержант и солдаты попрощались с ней, вынесли ее на волю и подкинули. Она же, словно большой белоснежный голубь, разогналась и полетела, молча, словно обиделась, что ее никто не останавливает, улетаая дальше от надвигающегося грохота канонады.

Прошло два года. Война еще шла, но врага уже гнали за пределами границы. На том месте, где когда-то шли бои, расположился полк для отдыха и переформирования.

И тут на поле, где маршировали солдаты, села журавушка с двумя журавлятами. Казалось, она смотрела в лицо каждого проходившего солдата, то и дело что-то сообщая своим деткам, может, говорила: «Я не узнаю его, тут все с орденами и с одинаковыми закопченными лицами». Вместе с журавлятами она разбежалась и, громко курлыкая, они улетели, сделав круг над полем.

А по полю раздался радостный крик:

– Товарищ лейтенант! Журавлев! К вам только что прилетала журавушка!

Память на всю жизнь

Еще год оставался до окончания Великой Отечественной войны.

Капитан Сорин получил извещение о гибели отца, матери и сестры, попавших под бомбежку вражеской авиации. Он всегда был жизнерадостным человеком, но тут враз посуровел, стал малоразговорчив и старался лезть во время сражения в самое пекло, презирая пули неприятеля и оберегая жизнь доверенных ему солдат.

Обычно после изматывающего боя на привале солдаты, отдыхая, чтобы отвлечься от прошедшего страшного дня, рассказывали разные байки. Капитан ранее тоже приходил, но на этот раз он сидел у старшины Киренко, с которым служил с самого формирования полка, и молчал, обхватив голову обеими руками.

Старшина не оставлял друга в одиночестве и, как мог, старался его успокоить, но все утешения были напрасны. «Погубит себя капитан раньше времени, – беспокоился Киренко, – что-то надо мне придумать. Отвлечь его надо!»

В это время в полку многие солдаты переписывались с девушками и в свободное время смаковали каждую полученную из тыла весточку. Старшина тоже писал письма и с нетерпением ждал ответов от своей девушки. Она его вдохновляла, передавала ему дух далекой гражданской жизни, и он порой задумывался о дальнейшей судьбе с ней.

И Киренко решил написать своей девушке все, что знал о судьбе Сорина: как служится ему и что произошло с его семьей, а в заключение попросил ее написать капитану теплое письмо, как это может сделать только женское сердце.

Прошло время, и однажды на привале, как всегда, однополчане радостно встречали почтальона. Капитан смотрел на все это без участия и был удивлен, когда ему тоже вручили письмо. Он его повертел, прочел обратный адрес, быстро раскрыл, глаза его заходили по листочку то вверх, то вниз и так несколько раз, Сорин улыбнулся. Старшина первый раз с тех пор, как капитан получил известие о гибели родителей, увидел на его лице улыбку. А тот, выхватив из планшета листок бумаги, стал быстро писать, потом он сложил его треугольником и, указав свой адрес, отдал почтальону.

С тех пор капитан использовал любую возможность написать письмо или просто черкнуть несколько слов и так же часто получал ответы. А однажды ему пришла посылка с варежками и с шерстяными носками. «И откуда она узнала, что у меня отмороженные руки? – подумал он. – Наверно, это случайность». Он их и правда повредил еще в начале войны в холодную зиму.

Сорина было не узнать, от его угрюмости ничего не осталось, он, как и прежде, стал шутить с солдатам, они отвечали ему тем же. Его все уважали за храбрость и за отношение к однополчанам. Старшина видел, как изменился капитан, и радовался за него, что тот немного оттаял. А сам стал реже писать знакомой девушке, а затем как-то на ее конверте написал «Адресат выбыл» и отправил обратно.

– У меня на хуторе невест много, – сказал он, – а у него одна. Нехай пишет!

Еще год оставался до конца войны. А она казалась вечностью!

Врага окончательно уничтожили в его логове в Берлине. Победу встречали салютами из орудий, винтовок и автоматов. Звук их удивительно изменился, стал каким-то праздничным. На серых, суровых, покрытых копотью лицах были слезы радости, но их никто не замечал. Дружба солдат стала крепкой. Хотя и были они разных национальностей, но все обнимались и с добром пожимали друг другу загрубевающие руки, вместе радуясь окончанию войны и торжеству солдатской верности. Крепкая дружба была и между Сориным – русским и Киренко – украинцем.

По окончании войны все получили ордена, медали, звания за храбрость, за защиту отечества. Капитан стал майором, а старшина – лейтенантом.

Поезд с демобилизованными солдатами и офицерами, заполнившими вагоны, отправился на родину. Разговоров только и было, чтобы не было больше войны и о предстоящей встрече с близкими и родными. Особые пожелания доставались тем, кто ехал к невестам. Смех стоял на весь вагон, и это не прошло мимо майора, который тоже поддерживал это настроение.

Поезд, на котором ехал Сорин, проезжал без остановки мимо того полустанка, где жила девушка. Только с городского вокзала он мог обратно добраться до нее. Но поезд на полустанке неожиданно резко затормозил и остановился.

– Майор, тебя-то вон ждут! – смеясь, сказал лейтенант Киренко и показал на толпу встречающих людей с цветами.

Сорин выпрыгнул из вагона и побежал к ожидающим. Многие солдаты тоже выбежали, чтобы пополнить баки и фляги водой. От ожидающих отделилась девушка и побежала навстречу майору. Они обнялись. Букет гвоздик выпал из ее рук.

– Вот интуиция! – удивился Киренко. – Среди всех солдат определить своего, родного. Вот это любовь!

Поезд протяжно загудел. Солдаты вернулись в вагоны.

Майор все стоял, обнявшись с девушкой, усыпанный цветами. И тут на всю станцию раздалось громкое «Го-орь-ко-о!», из окна вагона вылетел вещмешок майора, а за ним еще два с продуктами. Поезд удалялся и громкое «Горько!» становилось все тише и тише.

Через год лейтенант Киренко получил письмо:

«Здравствуй друг! Спасибо, что познакомил меня с девушкой, с Катей. Ныне она моя жена. Я увидел у нее твою фотографию. Жена ее бережет. Спасибо тебе за встречу, устроенную на полустанке. Навеки буду помнить твою дружбу. У нас родился сын, назвали его, как тебя, Миколой. Приезжай, будешь крестным».

Фотография

Похоронив мужа, вдова закрепила красную подушечку с его орденами под иконкой и поставила рядом на трельяж фотографию супруга – молодого солдата в гимнастерке. Горький ком подкатил к горлу, она готова была расплакаться. Села на стул и не отрываясь стала смотреть на портрет мужа, вздыхая и повторяя одни и те же слова:

– Как мало ты пожил, Коленька. Ушел от меня безвозвратно.

Ордена на подушечке сияли под ярким солнцем, огненный зайчик от них то и дело озарял лицо солдата, словно напоминая: «Вот он, победитель, герой, награжденный за мужество, за отвагу, за победу».

И только одна цветная планочка не блестела. Она висела на подушечке и не хотела вспоминать о прошедших годах войны. Она свидетельствовала, что у солдата было тяжелое ранение, от которого он так и не смог оправиться. Может, поэтому и не было у них детей. Но они с супругой никогда ни на что не жаловались, радовались завоеванной победе и счастливой жизни. А теперь вот она осталась без мужа. Наступило одиночество.

«Как я теперь буду без него?» – сокрушалась вдова.

Она долго смотрела на солнечного зайчика, бегающего по фотографии. Веки ее отяжелели, и она, прикрыв глаза, задремала. Привиделось ей, что к ней бежит Коля и улыбается. Молодой, кудрявый, сильный, в светлом красивом костюме. Обнял ее и говорит: «Не волнуйся, Нюра, я буду тебя навещать».

Вдова очнулась, горький ком исчез. Она взглянула на фотографию мужа – и ей стало немного легче. И тут она заметила, что на иконке тоже появился солнечный зайчик.

Братья

Жили-были два брата. Один был старше на год, но это не мешало им дружить и быть неразлучными. В детский сад пошли они в один день, и в школу тоже – младший не хотел оставаться один, без брата.

Была у них с детства мечта: стать известными гимнастами, и они готовились к этому, занимались в спортивной секции, показывая хорошие результаты. После школы планировали поступить в институт физкультуры.

Но тут нагрянула Великая Отечественная война. Старшего брата в тот же день вызвали по повестке в военкомат, младший, как всегда, тоже пошел с ним.

Военная комиссия посмотрела на старшего – он был высок и крепок, затем взглянули на младшего – он выглядел мускулистым и не по возрасту развитым. И их обоих взяли на военные сборы.

Попрощавшись с матушкой (отец был уже на фронте), они вскоре оказались в воинской части. Во всем показывали успехи: стреляли отлично, спортивные упражнения делали безукоризненно. Только за одно ругал их старшина. Когда отделение состязалось в беге, то братья всегда держались рядом, хотя старший с его длинными ногами мог прибежать первым. Но за это старшина отыгрывался, когда вел взвод: старший стоял в первом ряду, а младший в последнем. Их так и звали все: «Большой да Маленький».

Закончив военное учение, они отправились в самое пекло войны, где не хватало бойцов. На участке границы шел ожесточенный бой с переменным успехом – то пограничники захватят местность, то немцы. Бойцы, серые, чумазные от гари и пыли, уставшие, с впалыми глазами, невыспавшиеся, стояли насмерть.

– Вот и свежие силы прибыли, – встретил новичков капитан части.

Прибывшие спрыгнули с кузова автомобиля и стали перед ним в шеренгу.

– Скоро всем в бой. Готовьтесь к атаке! А ты, – указал он на Маленького, – пойдешь в разведку. Подберись поближе к немцам и разузнай обстановку.

– Товарищ капитан! – обратился к нему Большой. – Этот солдат щупленький. Если он схватит вдруг языка, не дотащит. Можно пойти с ним?

– Ну, если еще и немца в плен возьмете, то идите вдвоем! – отчеканил начальник.

Оставив все документы, сняв тяжелые каски, взяв только карабины и по паре гранат, они перелезли через бруствер и перебежками и ползком стали продвигаться к расположению врага.

Редкие выстрелы были слышны с обеих сторон. Солнце уже шло к закату и освещало возвышенность с кустами и верхушки деревьев. Братья слились с местностью и старались держаться в тени. Они засекли уже несколько огневых точек противника, как вдруг Большой тихо охнул и завалился на землю.

Что с тобой? – забеспокоился Маленький.

– Я не могу двигаться!

Посмотрел Младший на ногу старшего, а она прострелена и кровь хлещет. Перетянул ее ремнем и понял – это дело снайпера.

– Дай мне свои очки, брат, – попросил он (старший всегда ходил в очках), прицепил их к карабину и шепотом сказал:

– По моему сигналу постарайся поднять их до вершины кустарника и против солнца.

Понял старший брат смекалку младшего, а тот отполз в сторону и стал наблюдать за одинокими деревьями. На одном заметил непонятное шевеление веток и дал сигнал брату. Солнечный зайчик заиграл в стеклах, и тут раздался выстрел брата, поймавшего на мушку снайпера, стрелявшего в очки. С дерева что-то свалилось. Младший подполз к стволу сосны, там лежал немец, пуля задела ему бедро. Разоружив фрица, он оттащил его в сторону.

Братья задумались, как им теперь добраться до своих: один из них ранен, немец тоже. Решили так: младший ползет по-пластунски, тащит старшего, а тот фрица. Таким способом они продвинулись совсем недалеко, немец никак не хотел шевелиться, и это серьезно затрудняло их путь.

– Если так дело пойдет, мы лишь к концу войны доберемся до своих, – возмутился старший.

– А я вот что предлагаю, – решительно сказал младший. – Я на тебя немца взвалю, ты его держи крепко, а сам на меня ложись. Я вас всех на спине потащу.

Когда немцы из своих укрытий увидели на бугре своего солдата со странно шевелящимися ногами, но идущего в противоположную сторону, стрелять не стали. А красноармейцы были поражены – такой маленький солдат, а двоих детин притащил! Позже младший брат отшучивался:

– Брата я обязан был спасти! А «языка» приказано было доставить!

Командование представило обоих братьев к награде за ценные данные, полученные от захваченного немца. Капитан части, узнав, что они братья, не стал отправлять старшего в тыл, лечили его в местном лазарете.

Врага отогнали далеко, но война еще продолжалась. К концу войны за смелость и храбрость они были удостоены орденов и медалей, и им было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вернувшись домой, они застали матушку в полном здравии. Добрые письма, которые они писали ей, были хорошей поддержкой. А отец погиб.

Братья поспешили в институт физкультуры, исполнить свою заветную мечту – стать знаменитыми гимнастами. В приемной комиссии им сказали: «Поздно! Возраст не тот, только тренерами уже можете быть!»

Загрустили братья – война отняла у них исполнение мечты. А дома матушка сказала:

– Кому-то из вас надо работать, зарабатывать на жизнь.

– Ты, брат, иди учиться, – наставляет старший младшего, – а я пойду трудиться!

– Нет, ты иди в институт и повышай свои знания, – отвечает младший старшему.

Долго они уговаривали друг друга, но так и не договорились. И пошли оба брата восстанавливать разрушенную страну.

«Учиться никогда не поздно», – решили они.

Каравай дружбы

На годовщину Победы над фашистской Германией мы, трое друзей, офицеры Российской армии, всегда собирались вместе. Внуки, вдоволь наигравшись, попросили нас рассказать что-нибудь о нашей крепкой дружбе.

– С какого бы времени рассказать вам о нас? – задумчиво ответил я. – Пожалуй, начну с того времени, когда мы были такими же сорванцами, как вы.

...В ту пору шла Великая Отечественная война, до победы над врагом остался год. Моему другу Жене (а теперь, вы знаете, он Евгений Иванович) пришло извещение: погиб отец на фронте. Женя сидел во дворе на лавочке и всхлипывал. Я не стал его успокаивать, знал – от этого еще сильнее расплачется, а он вдруг поднял голову и говорит мне:

– Петя, скоро фрица уже прогонят из нашей страны, а мы с тобой ничего еще не сделали для победы. Давай махнем на фронт и поможем загнать врага в его логово.

Женя так хорошо это сказал, что мне понравилось и я решил поддержать его: «А что, и правда, убежим с товарищем на передовую громить фашиста».

Мы дружили втроем: я, Женя и Миша. О нас на улице говорили: «Они едины, как голова, спина и хвост». И правда, учились мы в одной школе, одновременно закончили шестой класс и друг без друга не гуляли. Миша принял наше предложение с большим энтузиазмом и воскликнул:

– Отомстим за Жениного отца! Наши папы живы, твоего демобилизовали по ранению, а моего по брони оставили. Ты, Петя, будешь у нас старшим, – дал он мне указание.

– Хорошо! – согласился я. – Берем только еду, чтоб никто не догадался о нашем побеге. А как доберемся до фронта, там военную форму дадут и оружие. В разведку станем ходить и будем добивать немцев.

На следующий день рано утром мы встретились с полными карманами черного хлеба. Взяли из дома только свою положенную порцию пайка. В стране была карточная система на все продукты питания, и мы не хотели, чтобы родители сразу заподозрили что-то неладное. Пришли на вокзал. На рельсах стояло несколько составов. Один из них, с товарными вагонами, пыхтел, выпуская по сторонам белый пар, а черный дым то и дело вылетал из трубы вверх.

– А в какую сторону ехать-то? – задумчиво спрашивает меня Миша.

– Да, наверно, этот пыхтящий поезд и довезет нас до места! – отвечаю я. – На всех его вагонах написано «Все для фронта!»

Состав из товарных вагонов был уже заполнен людьми. Мы пробежали мимо шумящего поезда до последнего вагона и, увидев в нем небольшой тамбурок, забрались туда и спрятались. Женя от нервного напряжения стал есть запасенный хлеб и сухарики. Поезд тронулся, набирая скорость, и хруст сухариков еще долго слышался в пути.

Ночь была летняя, теплая, нам не спалось. Уже светало, когда колеса заскрежетали по рельсам и состав остановился. Это была какая-то сортировочная станция: с одной стороны стояли вагоны, на которых был красный санитарный крест, с другой стороны из нашего товарняка выпрыгивали пассажиры, желая, видно, размяться и покурить. Поезд встал на заправку углем. Послышался разговор, из которого мы поняли, что это рабочие специалисты едут восстанавливать в тылу заводы.

Мы сообразили, что едем не в том направлении, выскочили из тамбурочка и побежали к пассажирскому поезду напротив, надеясь, что он довезет нас до фронта. Дверь была открыта, мы юркнули в вагон и поразились царившей там чистотой и порядком, несколько лавочек были недавно заново сбиты и пахло еще свежей сосной. Послышалось щелканье двери. Нас закрыли снаружи. Поезд тронулся, набирая скорость, и скоро из-за его стремительности за окном только мелькали очертания пролетающих деревьев и построек.

Я вытащил из кармана кусок хлеба. Женя посмотрел на него, и чувствовалось, что он проглотил появившуюся слюну. Разделив хлеб на три дольки, я раздал всем, а Мишин запас оставили на потом. Хотелось пить. Но ритмичный стук колес, переживания и ожидаемая неизвестность впереди дали о себе знать. Мы улеглись на лавочки и крепко заснули. Разбудил нас громкий гудок паровоза. Мы встали, разделили оставшийся кусок хлеба, что был у Миши. Женя, как-то извиняясь, его взял, видно сожалел, что свой слопал, ни с кем не поделившись. Нам после еды пить еще сильнее захотелось. Уселись возле окна.

Солнце светило ярко и спокойно, словно в жизни ничего плохого не происходило. А за окном стали появляться обугленные дома, черная, взрыхленная от взорвавшихся бомб земля, искореженные машины. Было безлюдно, даже не летало ни одной вороны. К закату солнца стали слышны глухие раскаты грома. Это явно разрывались снаряды. Стало как-то тревожно.

– Мы на правильном пути, – тихо сказал Миша, с трудом открывая пересохший рот.

Тут колеса резко заскрежетали. Когда поезд остановился, мы с трудом удержались на ногах. Перед нами по всей длине состава были видны автомобили с красными крестами и бегущие в белых халатах медсестры, выгружающие раненых солдат из машин на землю. Дверь в вагон внезапно открылась, вошел офицер, увидев нас, удивился и отчеканил:

– Быстро на выход! – и часовому, стоявшему рядом, – Придержи их!

Мы видели, как в вагон начали вносить на носилках неподвижных красноармейцев, хромавшим помогали взобраться, кто мог, заходил по высоким металлическим ступенькам сам, и все были перебинтованы. Пахло лекарством и йодом. Ни одного стога не было слышно, и от такой тишины стало страшно.

Подошел уже знакомый офицер. С трудом шевеля губами, мы попросили попить, и, как только мы наглотались воды, он спросил:

– Говорите, откуда и что здесь делаете?

– Мы тутошние, – отвечает Миша.

А я вторю:

– Отстали от эвакуации.

Женя помолчал, посмотрел на раненых солдат возле автомобилей и грустно заявил:

– Хотели на фронт пробраться, Родину защищать.

– Вот это ближе к делу, – проговорил офицер и, узнав подробно, откуда мы, остался доволен, – как раз едем туда, садитесь в поезд.

Находясь в дежурке, где обитали часовые, я и Миша перестали общаться с Женей, сурово осудив его:

– Ты нам не друг. Ты предал нас, из-за тебя мы не попали на фронт.

Он старался нам что-то объяснить, но мы его не слушали и твердо стояли на своем. С таким настроением мы доехали до нашего города. Из поезда стали выгружать раненых. Мы Мишей пошли домой вместе, а Женя побрел от нас отдельно.

Дома мне от родителей достался нагоняй. Они о нашем исчезновении узнали от Мишиной сестры и в наказание не пускали меня на улицу. Я не огорчился, были школьные каникулы, и до начала учебы в седьмом классе время погулять еще оставалось. В один из дней ко мне пришел Миша с сестрой. Она посмотрела на меня, повертела пальцем у моего виска и с издевкой промолвила:

– Вояка, тоже мне. Женя-то хотел вам сказать, что в Красную армию надо идти подготовленными, а на фронте обучаться уже некогда, враз погибнуть можно. До него это дошло раньше, а вы с моим братом бестолковые. Сейчас Женя пошел учиться в Осоавиахим. Это добровольное содействие армии и флоту, как закончит, пойдет в Суворовское училище.

Мы с Мишей поняли, что совершили глупость, и вечером же сами пошли в указанное учреждение. Там среди многих ребят встретили и Женю. Он, словно ничего не случилось, сказал:

– Я знал, что вы быстро поймете меня, вы же не длинношеее жирафа, до которого долго доходит: чтобы в армию пойти, надо военное дело знать.

Мы засмеялись и с этой поры стали вместе с Женей ходить на занятия в Осоавиахим. Там были курсы шофера, парашютиста, стрелка из разных видов оружия и просто солдатские дисциплины. Так прошел год. Мы трое закончили седьмой класс и преуспели в военном деле. Нас хвалили за отличные успехи.

Скоро по радио объявили: «Война закончена, враг разбит». Весь народ торжествовал и салютовал красочными мирными выстрелами.

Мы не прекращали учебу в Осоавиахиме. Однажды мы поехали на практические занятия за город. Курсанты расположились по всему вагону. Мы сидели втроем, я, Женя и Миша, и смотрели в окно. Нам это напомнило поездку на фронт, только сейчас мы видели строящиеся дома, зеленые поля, густые леса, по качающимся макушкам деревьев задорно летали птицы. Женя вытащил из своего рюкзака сверток, обернутый холщевой тканью, развернул ее и выложил на столик большой белый каравай хлеба с коричневой корочкой. Запах его распространился по всему вагону.

– А это мой должок, – торжественно произнес он. – За то, что я когда-то слопал сухарики в одиночку, не поделившись. Назовем этот хлебушек «Каравай дружбы».

«Где он мог достать такую вкуснятину?» – подумали мы с Мишей.

А Женя, словно угадав нашу мысль, продолжал:

– Карточки на все продукты отменили. Вот я и добыл. Теперь мир, и мы в армии будем охранять от врагов нашу Родину и наше благосостояние.

Мы крепко обнялись.

Седая прядь

Почтальонша знала всех живущих в селе и могла безошибочно определить, хорошую весточку или нет несет им, и очень переживала, когда доставляла извещение о смерти близкого человека.

Шла Великая Отечественная война, и ей не раз приходилось уже вручать эти страшные вести с болью в сердце.

Вот и сейчас она получила открытку о гибели мужа одиноко живущей тети Маруси. Была она нестарая, но жизнь с ее заботами и переживаниями сделала ее прежде красивое лицо серым и осунувшимся, испещренным морщинами, только густые черные волосы остались незадетыми сединой.

Тетя Маруся каждый день, в один и тот же час, когда почтальонша проходила мимо, стояла возле калитки, надеясь, что та завернет к ней. Вначале она спрашивала: «Есть ли для меня какая весточка?» А потом стала просто молча провожать ее взглядом.

Сегодня у почтальонши страшная весть для нее – смерть мужа. Она не спеша подошла к вышедшей, как всегда, Марусе, взглянула на нее, увидела в ее глазах ожидание, страдание и, сказав ей «Здравствуйте», прошла мимо. Так и не решилась отдать ей этот клочок бумаги. Где-то в душе она засомневалась в ее правдивости – всем присылали извещение на бланке, а тут на обычной открытке...

Придя на почту, по адресу отправителя и печати на открытке узнала, откуда пришла весть. Это был госпиталь, где по-видимому, находился Иван на лечении. С этой новостью она пришла к председателю, недавно вернувшемуся с фронта и приступившему к восстановлению разрушенного войной села. Он прочитал, повертел открытку и усталым голосом стал рассуждать:

– Очень странно. Я хорошо знаю Ивана. Он любит жену, хороший хозяин, механик отличный, силой не обделен. Фамилия у него под стать – Глыба. Что-то тут не то. Завтра с утра съезжу туда! Госпиталь недалеко – сто километров.

На следующий день, только наступил рассвет, председатель запряг лошадь, положил в телегу большую охапку сена и тронулся в путь, провожаемый почтальоншей и любопытными сельчанами.

К госпиталю он подъехал, когда солнце едва освещало красивый старый особняк с высокими, широкими ступеньками, на которых расположились в серых халатах раненые солдаты; видно, собрались погреться на солнышке, покурить и поговорить.

– Где тут Иван Глыба? – спросил председатель ближайшего к нему раненого без руки. Тот странно посмотрел на него и тихо ответил:

– Глыба-то, да вон, посмотри, что от него осталось!

Председатель взглянул туда, куда ему указали, и увидел Ивана. Он сидел на нагретой солнцем ступеньке, не шелохнувшись, и смотрел, не отрываясь, куда-то вдаль. Сам без ног.

– Ваня! – окликнул он его. Тот вздрогнул, на миг глаза его посветлели, а потом вновь стали безучастными.

Председатель обнял его:

– Что ты, Ваня, напугал нас всех, тебе еще жить да жить. У тебя руки золотые, а то, что ног нет, так мы тебе сделаем замечательные протезы. Супруга твоя Маруся ждет не дожидается тебя домой.

Они долго так беседовали. Председатель уговаривал его вернуться домой, даже грудь свою показал, всю простреленную, словно сито.

От убеждений или от теплых слов Иван оттаял, успокоился. «Может, и правда у меня все хорошо сложится», – промелькнула мысль у него, и глаза приобрели яркий цвет голубого неба.

Он надел гимнастерку, увешанную от плеча до пояса орденами и медалями за героизм и за мужество. Его посадили в телегу со скрипучими колесами, и, провожаемые молчаливыми взглядами солдат, медсестер и врачей, они тронулись в путь.

Иван сидел на трясущейся телеге, изредка переговаривался с председателем и то и дело нюхал сено, до боли в груди напоминающее ему родной дом. Подъезжая к селу, они издали увидели приближающуюся к ним толпу ликующих односельчан. Они кидали вверх шапки, поднимали букеты цветов и радостно кричали:

– Победа! Победа!

Стало ясно: закончилась безжалостная война. Маруся кинулась к мужу, обняла его, платочек слетел с головы, и на лицо Ивана упала такая знакомая прядь волос, только была она сейчас вся седая.

Тетка

Когда хоронили мать, Ленька не плакал, не сказал ни слова, лишь до крови кусал губы. Он не слышал, что говорили, и не чувствовал рук, сочувственно его обнимающих. Только когда пришел домой, поднял голову, разжал рот и тихо сказал соседям, столпившимся в комнате:

– Уходите.

– Ленечка, тебе лучше остаться с кем-нибудь, – проговорил чей-то женский голос.

– Никого мне не надо, никого! – твердил Ленька и, оказавшись один в тишине, расплакался. Вспомнил маму.

После гибели отца на фронте она болела, и он старался ее не огорчать. У него были самые счастливые дни, когда мать засиживалась с ним дольше обычного.

Тут прервал тишину стук в дверь, Ленька смахнул рукавом слезы. Дверь открылась, и тихо, бочком вошла тетя Нюта – соседка. Все ребята во дворе называли ее «Тетя», а в разговоре между собой прозвали «Тётка».

Это была маленькая, худенькая, пожилая женщина. Муж ее сражался с врагом на фронте, а сын погиб в первые дни войны. Жила она одна и редко куда выходила, кроме работы уборщицей в госпитале, а иногда навестить маму, помочь ей чем-нибудь и вместе скоротать одиночество.

– Ленечка, пойдем, покушаешь, – сказала она, – я тебе накрыла у меня в комнате, – и подошла ближе к нему, говоря быстро, волнуясь, словно боясь, что он не дослушает ее и уйдет.

– Иди, миленький, ко мне жить, тебе будет у меня лучше, станешь мне как сын родной.

Он не знал, что ответить, и молчал. Тетка смотрела на него и то и дело поправляла платочек, который и без того был крепко повязан.

– Хорошо, тетя... Нюта, – едва слышно проговорил Ленька.

Через несколько дней тетка оформила опекунство, он стал жить у нее. Она об этом написала в письме мужу на фронт, знала, что получит от него одобрение. А в квартиру, где проживал Леня раньше, въехали беженцы.

После этого Тетку будто подменили, от ее медлительности не осталось и следа. Морщинки на лице, казалось, разгладились, глаза посветлели. Она вставала рано утром, затапливала печь и, приготовив завтрак, подходила к Леньке и, легонько погладив ладонью по лицу, будила его. Он вставал, и пока завтракал, Тетка незаметно успевала подложить ему в портфель хлеб из своего пайка. Если Ленька его обнаруживал и отказывался брать, она говорила:

– Тебе, Ленечка, расти надо, а мне уже некуда.

Как-то придя с работы, Тетка вытащила Ленькины вещи, что предстояло ему носить, а они все оказались ему малы. Она глубоко вздохнула, не то сказала что-то, выдвинула деревянный сундук, стоявший под кроватью, и с самого дна достала костюм и рубашку. Для взрослого мужчины эта одежда была мала, а для подростка, такого же роста как Ленька, подошла бы. Тетка осторожно трогала вещи руками, разглаживая их и ощупывая каждую пуговицу, строчку, и повесила все на спинку стула.

Ленька, придя из школы, сразу увидел новую одежду.

– Чье это? – удивился он.

– Бери, это твое, – предложила Тетка.

Ленька обрадовался, как если бы ему подарила это не Нюта, а мать, он поцеловал ее, а потом не зная что делать, переминаясь с ноги на ногу, помолчал и буркнул:

– Спасибо!

Надев костюм, Ленька взглянул на Тетку. Она, как будто не замечая его, заплетала косу. Он поправил рубашку, костюм, выпрямился, выпятил грудь и, повернувшись то одной, то другой стороной перед зеркалом, заулыбался. Тетка смотрела на счастливого Леньку и радовалась. Она видела первую улыбку, первую радость на его лице с того дня, как он поселился у нее.

Его неразговорчивость и замкнутость пугали ее. «И как мне подойти к нему, чтоб он стал прежним мальчуганом?» – думала она.

Ее мысли прервал Ленькин голос:

– Тетушка, я пойду на улицу.

Встрепенувшись, она посмотрела на него. Он раскачивающейся походкой пошел к двери.

– Батюшки, как он на сына-то похож, такая же походка.

Ее так это взволновало, что она долго еще не могла успокоиться. Когда волнение утихло, взяла шерстяной платочек, встряхнула его, оглядела со всех сторон и бережно завернула в газету. Накинув на голову легкий шарфик, вышла.

Пришла она домой, когда на улице стемнело, в руках ее была буханка хлеба. Убрав ее, она села на табуретку, прислонилась к еще теплой печке, стала ждать Леньку и не заметила, как заснула.

Он пришел поздно. Тетка спала крепко, голова ее сникла, и она как-то жалобно, по-детски храпела.

«Как мама ждет меня!» – подумал Ленька.

Тетка открыла глаза, встала и засуетилась:

– Ленечка, я тебя ждала, ждала, переживать стала, не случилось ли что, и вот, пригревшись у печки, заснула.

– Вот возьмите, это вам! – и Ленька протянул тетке деньги.

– Откуда они у тебя?

– За-ра-бо-тал! Дрова колот, – заикаясь, сказал он.

– Ах, ты, помощник мой, – похвалила она его, – наверно проголодался?

– Не-ет, я у товарища пообедал, – не поднимая глаз, ответил Ленька.

В эту ночь Тетка не смогла заснуть, чувство подсказывало, что Ленька чего-то не договаривает. Беспокойство росло – деньги, товарищи, школа, работа – все смешалось в ее голове: «И как он успел и в школе побывать, и деньги такие заработать? Неужели обманывает?» Так и не сомкнув глаз, Тетка пролежала до рассвета. Утро было серое, дождь стучал в окна, стекающие капли делали стекла матовыми, и через них не было видно, что происходило на улице. Она посмотрела на них и почему-то вспомнила бессонную ночь, и волнение с новой силой охватило ее.

Собирая Леньку в школу, Тетка не замечала, что делала одну и ту же работу по нескольку раз. Когда он ушел, оделась и вышла на улицу. Туманная дождевая пелена не давала увидеть, куда пошел Ленька, и Тетка постояла, поглядела по сторонам и медленно побрела в школу.

Когда она пришла туда, звонка на урок еще не было. Отряхнув пальто от влаги, пошла к директору. Ей нравилось это здание с высокими потолками, с широкими коридорами, с большими классами и бойкими «галчатами» (так она называла школят-ребят), и она шла по нему не спеша. Здесь как-то забывалось, что идет война.

– Тетя, а что Леня – заболел? – послышался чей-то голос.

Тетка оглянулась и увидела знакомого мальчика со своего двора. Она испуганно вздрогнула: «Значит, он обманул меня, зачем?» – и, сутулясь, пошла к выходу.

Морозящий дождь с ветром бил в лицо. Шарфик с ее головы съехал, волосы выбились и торчали космами. Взгляд ее бегал по сторонам, но не находил того, кого искал. Она брела по улицам и, не зная почему, пришла на рынок.

Гул от людских голосов стоял повсюду. Ее толкали из стороны в сторону, но она не замечала этого и продолжала идти. Потеряв надежду найти Леньку, Тетка повернулась и пошла обратно и тут увидела его. Он стоял под карнизом палатки и ежился от дождя.

«Что он здесь делает?» – подумала она и хотела уже подойти. Но в этот момент к нему подбежал парнишка, всунул что-то в руку, и Ленька, озираясь, стал это прятать.

Тетка догадалась, что это могло быть, и, широко раскинув руки, кинулась к нему, словно орлица, защищающая своих птенцов от опасности.

– Леня, Ленечка, не бери, отдай! Они же ворованные!

Он стоял, точно окаменев, до его сознания дошло, что натворил. Из рук выпали деньги, и он тут же их подобрал, тихо сказал:

– Я их отдам.

Они подошли к толстой женщине, кричавшей на весь рынок:

– Есть горячие пирожки! Пирожки!

Ленька кинул ей в лоток деньги. Она удивилась и хотела что-то сказать, но промолчала, продолжая предлагать всем свой товар.

Тетка шла молча. Ленька плелся за ней и думал: «И что она молчит, лучше бы отругала». Дома Тетка, не говоря ни слова, села за стол, обхватила голову руками и застонала.

– Тетя Нюта, прости меня, – растерянно произнес Ленька.

– Да разве можно такие дела делать? Так и до греха недалеко, – не поднимая головы, глухим голосом проговорила она.

– Я вам помочь хотел. Платок-то теплый продали из-за меня, а теперь вон в шарфике ходите, холодно же.

Тетка не ожидала таких слов. Она подняла голову.

– Помогают хорошими делами и деньгами, заработанными честным трудом.

– А разве продавщица пирожков честно работает? – возмущенно проговорил Ленька. – Весь день торгует пирожками из ворованной муки. Деньги в карман кладет не считая, словно носовой платок. Другие вон свой заработок по несколько раз пересчитают.

– Леня, нечестный путь к добру не приведет, и ее скоро на путь правильный направят.

Ленька помолчал немного и промолвил:

– Пойду на завод учеником, шесть классов у меня есть – возьмут.

Тетка долго уговаривала его продолжить учебу в школе, а потом решила: «Если хочет, пусть идет. На заводе оденут, накормят – и жить полегче станет».

Через неделю Ленька ходил уже в черной шинели и в головном уборе с кокардой «трудовые резервы». В форме он казался взрослее. Приходил с завода шумный, чумазый, как чертенок, снимал рабочую гимнастерку и все говорил, говорил. Тетка наливала в таз воду, смывала с его лица мазутные пятна и смеялась. Она продолжала радоваться за него, стирая к завтрашнему дню и без того уже застиранную гимнастерку.

Она чувствовала, что он будет честным человеком, и от этого была счастлива. Учился он хорошо, был лучшим стажером. Тетка много раз бывала на заводе, только Леньке об этом не говорила, чтоб не обижался.

Как-то незаметно прошли три года. Был солнечный день. Яркие лучи заполняли всю комнату. Тетка сидела у окна, штопая Ленины носки. Ей было приятно сидеть под теплыми и яркими лучами, и она с наслаждением работала, жмуря глаза. Вдруг, вспомнив что-то, встала и быстро начала прибирать в комнате, хотя кругом была чистота.

– Батюшки! – воскликнула она взволнованно. – И как это я забыла. Сегодня же Леня свидетельство об окончании учебы получает.

Тетка поспешно убрала старую скатерть, постелила новую. Откуда-то из глубины шкафа вытащила плитку шоколада и чашки, которые ни разу не подавались. Из печи достала кипящий чайник и все это разложила на столе.

Ленька ворвался домой сияющий и, потрясая тоненькой книжкой, закричал:

– Тетушка, у меня аттестат с отличием! – и, распахнув шинель, рывком вытащил из-под нее розовую шерстяную шаль и торжественно произнес:

– Это Вам!

– Что ты, что ты, Ленечка, у меня же есть, – голос ее дрожал.

Ленька развернул шаль и накинул на ее узкие плечи. Шаль словно обняла ее и сделала немного полнее. Тетка раздумянулась, шаль очень шла ей к лицу.

– Это мне премию дали, вот и купил!

– Спасибо, Ленечка, спасибо! – обняв его, счастливо всхлипнула она.

Он, чувствуя ее теплоту, прижался как к матери.

– Тетя, я завтра уезжаю, – едва слышно, как бы не желая испугать ее, проговорил Ленька.

Для нее эти слова были ударом грома.

– Куда-а? – испуганно спросила она.

– Восстанавливать разрушенные войной предприятия. Но ненадолго. – Ленька помолчал и добавил: – На год.

Счастье у нее словно ветром сдуло, лицо покрылось морщинками, губы стали подергиваться. Она смотрела на него, казалось, не понимая, что он говорит.

Ленька, боясь, что Тетка будет его упрашивать, чтоб он не уезжал, враз выпалил:

– Я уже согласие дал и аванс получил, вот он, – и положил на стол пачку денег.

– Леня, да не в деньгах дело, – вздохнула Тетка. – Если надо – так поезжай. Только не так сразу, можно немножко погода? Я же живой человек, и мне больно.

Ленька уезжал днем. Тетка с утра сходила в госпиталь и договорилась поработать в ночную смену. Собирая его в дорогу, она думала: «Мужа проводила, сына тоже, а теперь вот и Леня. В шинельке одной зимой и летом ходит, которая уже вся поизносилась, как бы не застыл. И ботинки у него большого размера – можно еще носки на ногу поддеть».

Не сводя с него глаз, Тетка предложила:

– Давай присядем на дорожку.

Минуту они оба сидели рядышком и молчали. Вздохнув, Тетка встала, обняла его и поцеловала.

– Ты мне пиши, – сказала она, заплакав.

Ленька медленно спускался из дома по лестнице, будто раздумывая, ехать ему или нет. Тетка смотрела ему вслед и горбилась все ниже и ниже. Уже во дворе Ленька услышал надламывающийся голос, который заставил его вздрогнуть и еще долго звучал в ушах:

– Леня-я, пиши-и!

Тетка вернулась в комнату. Воздуха ей не хватало, и каждый вздох больно отдавался в груди. И тут она услышала, как в доме хлопнула парадная дверь. Она знала этот звук, означающий, что кто-то идет, и встрепенулась: «Леня возвращается». Послышались шаги – медленные и тяжелые: «Нет, это не он». Шаги приближались и остановились у двери.

– Кто там? – спросила Тетка.

– Я, Нюта! – голос был хриплый, уставший, но очень родной.

– Это же Коля, Коленька, муж! – воскликнула она.

Руки ее дрожали, и она, как слепая, стала искать крючок, чтоб открыть дверь, и распахнула ее настежь. Сквозь слезы она увидела его, заросшего щетиной и любящегося. Из ее груди вырвался крик счастья:

– Ты пришел! Живой! – казалось, что эти слова разнеслись по всему свету.

– Ну что же ты, что ты, Нюта. Видишь – здоров, зачем же плакать? – гладил он ее вздрагивающие плечи. От нахлынувшей радости Тетка долго не могла прийти в себя.

– А где же Леня? – неожиданно спросил муж. Тетка взглянула на него, словно он этими словами причинил ей боль.

– Уехал предприятия восстанавливать, на год!

– Вот он какой. Тружеником страны стал. Так им надо гордиться, Нюта! – успокаивал он ее.

Спустя какое-то время Леня прислал письмо. Оно начиналось так:

«Здравствуйте, тетя». Слово Тетя было зачеркнуто и над ним написано «Мама».

Далее он рассказывал, что работа ему нравится, все у него есть, просит за него не волноваться и что скоро придет маме первую зарплату. Тетка медленно еще раз прочитала письмо, глаза ее стали влажными. Она всхлинула: «Какая я стала слезливая, даже от радости плачу» – и пошла показывать письмо соседям. Скоро весь двор знал Теткину радость. Когда пришел муж, она, не дав ему раздеться, наизусть рассказала, что написал сын Ленька в письме. Муж прижал ее к себе и сказал:

– Вот, Нюта, у нас появился еще один сын!

Голубь мира

Эту историю мне рассказал человек, отец которого защищал Родину во время Великой Отечественной.

Шли последние месяцы войны. В одном из боев они освобождали занятый врагом дом. Противник ожесточенно защищался. Вся земля вокруг была усыпана осколками снарядов, битым кирпичом, перемешанным с грязью и черной копотью, и на этом фоне одиноко прыгал и не мог взлететь белоснежный голубь. Солдат Иванов, бывший на гражданке азартным голубятником, увидев мучения голубя, пополз ему на выручку.

– Куда ты?! – кричали ему солдаты из-за укрытия. – Подстрелят тебя.

Иванов ничего не слышал, даже не замечал свист пролетающих рядом пуль, – он упрямо полз к голубю. Добравшись, он взял его в руки и пополз обратно. Ни один выстрел не был произведен со стороны врага в это время – так они заужали бесстрашного солдата.

А Иванов, будучи в безопасном месте, осмотрел голубя, поправил ему вывихнутое крылышко, наложил прутик и завязал жгутиком. Солдаты, кто как мог, тоже старались принять в этом участие. Тут послышалась команда «В атаку, вперед!» Иванов, засунув голубя за пазуху гимнастерки, вместе со всеми пошел в бой. Дом был освобожден.

После боя построил старшина всех солдат в шеренгу, посмотрел, пересчитал и увидел, что у Иванова гимнастерка сильно оттопырена:

– Что это такое у тебя?

– Голубь мира, – отвечает солдат.

Старшина удивился, а потом попросил показать. Иванов поднял гимнастерку, и все увидели голубя – прижался, сидит тихо, видно, тепло ему, да и крылышко перестало болеть. Погладил старшина голубя и скомандовал:

– Отдать повару!

Только хотел солдат крикнуть, что не отдаст, как старшина, увидев в глазах солдата испуг, сказал:

– Ты, Иванов, меня неправильно понял. Пусть голубь пока поживет у повара, там спокойнее и корм есть.

Отдал Иванов повару голубя, тот погладил его, уложил в коробку и, улынувшись, сказал: «Пусть живет!»

С этого дня каждый раз, как только солдаты располагались на отдых, Иванов приходил проведать своего голубя, а тот, словно узнав своего спасителя, громко курлыкал. Иванов снял с голубя повязку, и тот даже крылышками взмахнул. «Ему еще рано летать, – подумал Иванов, – пусть подождет до следующей встречи.» – и прикрыл коробку, чтобы голубь нечаянно не выпорхнул.

А на следующий день объявили конец Войны.

Иванов взял белоснежного упитанного голубя, встал в строй и перед всеми солдатами выпустил! Вначале голубь летал возле Иванова, словно не хотел улетать, затем резко взмыл вверх. Помахал крыльями всем солдатам и скрылся. Тут разнеслось громкое раскатистое «ур-ра! ур-ра!», отдаваясь далеким эхом: «Ми-р! Ми-р!»

После демобилизации Иванов вернулся в родное село и однажды увидел, как над его домом кружится белый-пребелый голубь, очень похожий на того спасенного голубя Мира. Кажется, он даже услышал радостное и знакомое курлыканье.

Притчи о войне

Ладонь солдата

Пушка стояла, охраняя рубежи родины, и радовалась солнцу, пению птиц, всей этой спокойной жизни и тому, что ей ни разу не пришлось выстрелить. «А зачем мне это делать, когда никто не нападает?» – думала она.

А больше всего ей нравился солдат небольшого роста, неказистый, но с добрыми руками. Он каждый день ее мыл, протирал чистыми тряпочками. Так заботился о ней, что не оставалось ни единой пылинки, а окончив свою работу, похлопывал ее и, погладив теплой ладонью, говорил:

– Вот теперь ты молодчина. Готова к обороне!

Однажды за кордоном вдалеке грянул выстрел, и снаряд разорвался неподалеку от нее, даже осколками засыпало. Пушка была очень недовольна этим вероломным поступком. Солдат, словно услышав ее, зарядил пушку боевым снарядом, и она выстрелила в ответ и точно попала в обидчика. Тот замолчал. Пушка была разгорячена и дымилась. Черная копоть оседала на нее. И она стала ждать, когда солдат снова помоеет ее и протрет. Но он почему-то не шел. И тут появился его однополчанин. Также старательно ее почистил, но это было не то. Сталь у нее не засверкала, как прежде. «Может, мне это показалось, – подумала она, – оттого, что я загрустила? Но я должна знать, где мой маленький солдат. Мне не хватает его теплой ладони».

Вскоре она услышала разговор стоявших неподалеку военных:

– Ивана-то нашего тяжело ранило.

Если бы у пушки в это время был снаряд, она бы точно выстрелила в сторону врага. Но тут последовал приказ:

– Не стрелять! Если будет еще раз провокация, ответить немедленно.

И пушка стала ждать, когда дадут команду:

– Огонь по неприятелю за Ивана-героя!

Пушка

Пушка была привередливая – стреляла куда попало, громяхая снарядами. Куда бы ни падал снаряд, он все превращал в пустырь, оставляя после себя лишь пепел и камни.

Однажды она говорит Снаряду:

– Давай пальнем куда-нибудь?

– Я не хочу, – сказал снаряд, – куда бы я ни попал, везде после меня ничего не остается, а мне хочется, чтобы вокруг росли трава, кусты, деревья.

От таких слов Пушка рассердилась, дулом во все стороны водит, а стрельнуть не может, снаряда нет.

Так и простояла она без надобности долгое время, ржаветь стала, и в конце концов отвезли ее на переплавку.

А Снаряд запал свой выбросил, чтоб никто и никогда им не воспользовался. Его поставили на пьедестал с надписью: «Этот снаряд предотвратил войну». Но он не обращал внимания на свою славу, ему было приятно смотреть на неузнаваемый пустырь, где появилась зеленая трава и кусты, которые выросли и превратились в пушистые березки!

Пуля-дура

Снайперская винтовка затаилась в кустах и тихо разговаривает с Пулей:

– Ты, подружка, давно знаешь меня, прицел и курок. Пора бы тебе познакомиться с теми, кто не знает тебя. Вон я вижу в прицеле Зайца, но он недостойн общения с тобой, а вот вдалеке веселый Солдат ходит, жизни радуется, вот с ним тебе надо повстречаться.

И курок по привычке отправил Пулю в цель.

Солдат схватился за грудь и упал. Посмотрела на него Пуля и сказала:

– Как я сильно понравилась Солдату! Он так меня крепко обнял, прижал, не оторвешь. Жаль, что не хочет со мной разговаривать.

Завоеватель

Цветок Василек, увидев надвигающегося Быка, очень испугался – ну как же его не бояться! Полянка, на которой он жил и рос, была маленькая, но красивая, здесь росли одуванчики, колокольчики, сочная трава, здесь радовались жизни насекомые – кузнечики, бабочки и стрекозы. А Бык шел, наклоня голову, и своим языком скашивал полянку, оставляя после себя голую землю.

Подойдя к Васильку, Бык промычал:

– Ну-у! Теперь и тебя прогоню. Это моя территория!

– Это надо доказать! – парировал взволнованно Василек.

– Ну-у! И докажу-у! – еще громче замычал Бык и оставил на полянке свой блин.

Оказавшись последним из живых на полянке, Василек поник.

А Бык пошел завоевывать другие территории.

Кованый Сапог

Кованый Сапог, лязгая металлической подковой, шел по ржаному полю, затаптывая все на своем пути, а за ним, кидаясь в разные стороны, бежал огонь и все поджигал. Скоро поле ржи выгорело дотла, остался один покрытый копотью ржаной Колосок. Вокруг стояла тишина, даже стрекотания кузнечиков не было слышно.

– Я тут единственный остался?! – испуганно воскликнул Колосок.

– И я еще с тобой, – ответил ему уцелевший цветок Василек, выглянувший из-под груды соломенного мусора.

– Скажите, почему так плохо поступил с нами это страшилище Сапог? – спросил Колосок у Василька. – Пришел к нам неожиданно и все уничтожил. Я его боюсь!

– Не надо его страшиться, – успокаивает Василек. – Этот Сапог – пришлый. Он давно хотел забрать наше поле и лес. Все завидовал, что у нас птички поют, зверята резвятся. Но ты не волнуйся, его прогонит наша матушка.

Колосок не стал расспрашивать у Василька, кто такая матушка. Решил узнать это позже и просто наклонился поближе к нему – так он чувствовал себя спокойнее.

А там, куда ушел Сапог, вдалеке, у большой реки, запылал лес. Запылал, но быстро погас, так и не превратившись в бушующий пожар.

– Вот матушка Волга и встретила кованый Сапог и задала ему трепку. – радостно произнес Василек. – Перегородила ему путь, и он захлебнулся в глубокой реке вместе с огнем.

– Теперь-то я знаю, кто нас защитил! – воскликнул счастливый Колосок. – Это матушка Волга. Я теперь ничего не боюсь, – и он поднялся немножечко повыше.

Тут пришла родственница Волги туча и смыла ливнем весь пепел. И все вокруг стало чисто, но еще не зелено, и от этого было немного грустно.

– Как бы я хотел, чтобы ржаное поле стало золотистым, как прежде! – вздохнул Колосок.

– Да у тебя же есть зернышки, – подсказал ему Василек, – посыпь их на землю, и поле опять заколосится. А кованный Сапог никогда не вернется, его уже занесло илом.

Прошло время, и вскоре на всем поле дружно взошла и зашелестела золотистая рожь, а вокруг появилась зеленая трава. На кустах и деревьях весело затрепетали листочки, послышались радостные трели птиц и стрекотание кузнечиков.

А Василек смотрел на колоски и никак не мог узнать, кто из них его старый знакомый. Знало это солнышко, но оно молчало и только ласково согревало всех.

Добрый танк

Вероломно через границу нашей Родины к нам вторгся фашистский танк по прозвищу «Тигр» с вооруженной вражеской пехотой. Ревя мотором, он двигался по полю, не замечая живущих там: птиц в гнездах, сусликов, зайцев в норках, – и приближался все ближе к избам, где мирно жили и трудились люди. «З-здесь все мое!» – скрежетал он гусеницами.

Тут его увидел танк Красной армии и выстрелил из пушки в «Тигра», Попал, тот загорелся.

«Тигр» в ответ тоже своим снарядом задел броню красноармейского танка и повредил его башню, но, несмотря на это, танк продолжал вести бой и прогнал пехоту противника со своей земли. Враг на время затаился.

Решил танк вернуться в полк и заделать неполадки в броне. И только он поехал, видит: перед ним на холме сидит заяц и не двигается, словно вкопанный, только ушами шевелит и глаза во все стороны таращит. Видно, сильно напугал его вражеский «Тигр». Постоял наш танк немного возле косого, а потом развернулся и объехал далеко от него. Заяц посмотрел ему вслед, ушки опустил, лапками застучал по сухой, завядшей траве, пыль высоко поднял над собой и помчался по полю.

Танк прибыл на место стоянки. Из башни люка вылез танкист-водитель. Командир части спрашивает его:

– Ты почему такой большой крюк сделал? Почему прямо не поехал?

– Да я зайца объезжал, чтоб не погубить! – отвечает он.

Командир части и солдаты, стоявшие рядом, отнеслись к его словам серьезно:

– Молодец, танкист, беззащитного зайца спас, – похвалили. – А врага безжалостного уничтожил, герой!

В эту ночь танкисту снилось, что заяц стучит по броне танка, будто благодарит его: «Спасибо тебе за доброту». Но это стучали мастера-солдаты. Они чинили танк, чтоб тот был готов к завтрашнему бою с неприятелем!

Предостережение

Фашистский Сапог прошелся по лугу и воинственно закричал:

– Это все мое! Что захочу, то и буду здесь делать!

Трава, которая хотела подняться после Сапога, чтобы увидеть солнышко, его побоялась. Он мог безжалостно ее растоптать опять, и она безропотно росла, желтея и медленно усыхая.

Задумал Сапог расширить свои владения, овладеть еще соседским полем, где росли красивые цветы. Подковал себя металлическими подковами для устрашения и, громыхая ими и лязгая, пошел со своей помощницей косилкой, чтобы уничтожить все цветы на поле, – ему

нравилось, когда росли неприхотливые сорняки. Но тут он столкнулся с огромным Кирзовым Ботином, который стоял рядом с большой косой. Сапог взглянул на этот Ботинок и подумал:

– Если он ударит меня, то я полечу, как мяч, а если коса взмахнет, то точно от меня с косилкой ничего не останется.

Сапог со страху попятился и убежал с косилкой в свои владения. Коса осталась неподалеку, на всякий случай. Если вдруг Сапог вздумает вернуться, она тут же на поле задаст ему трепку.

А Кирзовый Ботинок ушел. У него было много дел. Он хотел, чтобы вся земля стала ярко-зеленой и всегда была устлана красивыми цветами.

Песня Трубача

Медная Труба попала нести службу на боевой корабль.

Там она трубила: «Подъем!», «Отбой!» А в случае опасности громко: «Тревога!»

Труба исправно выполняла свой долг, но очень мечтала, чтобы кто-нибудь сыграл на ней какую-нибудь мелодию. Да только вот шла война, и всем было не до песен.

Однажды Труба затрубила: «Тревога!» Подняла на корабле всех моряков. Враг наступал превосходящими силами. Моряки приняли бой и с трудом отбивались.

Тут на середину палубы вышел Трубач и заиграл мелодию – мощную и торжественную. Ее услышали все моряки. Она вдохновила и прибавила им силы. Снаряды рвались, осколки сыпались со всех сторон, но их никто не замечал. Была только одна ярость. Враг не выдержал такого встречного натиска и отступил.

Трубач после боя едва стоял на ногах, с трудом переводя дыхание. Моряки с уважением, по-дружески похлопывали его по плечу. Медная Труба, разгоряченная от игры, влажная от соленых губ, с восторгом воскликнула:

– Моя мечта сбылась! Всем морякам понравилась моя мелодия, буду чаще ее играть!

Чистота

Только перед сном солдаты почистили оружие и пуговицы на гимнастерках, пришили белые воротнички, как наутро узнали, что враг вероломно напал на Родину. Одна из гимнастеров сказала:

– И зачем солдат себя в порядок привел? Вот пойдет в бой, а там стрельба, взрывы, копать, гарь, грязь. Вся чистота будет напрасна!

Воротничок ей ответил:

– Солдат хорош, когда у него во всем порядок. Он не потерпит на своей земле грязного агрессора. Прогонит его и опять наведет чистоту.

Тут старшина поставил солдат в шеренгу, посмотрел на их бравый, аккуратный вид и спросил:

– Все привели себя в порядок? У всех оружие чистое?

– Так точно! – отвечают они.

– Тогда в атаку, вперед, изгоним грязного захватчика!

И скоро ни одного захватчика не осталось на нашей земле. Всех фрицев солдаты зачистили. И ни гари, ни копоты не осталось. Все вокруг зазеленело, зацвело, воздух стал прозрачен, без единой пылинки.

Солдаты, как всегда, привели свое обмундирование в порядок. Ходят бравые, аккуратные, подтянутые и с начищенным оружием, чтобы всегда быть начеку, готовыми убрать любого врага, если он придет с грязными намерениями.

Красота

Щетка с Гуталином лежали в солдатском вещмешке и рассуждали:

«Забыл нас Сапог. Забыл! Порохом и гарью пропах, приходит всегда пыльный, брякнется, где найдет, отдохнет чуть-чуть и опять уходит туда, откуда взрывы да выстрелы слышатся. Если так будет продолжаться, то он быстро от грязи состарится, а мы засохнем раньше времени. Как бы нам хотелось навести порядок и увидеть чистый Сапог!»

Однажды Сапог пришел, шаркая подошвой, видно, устал, но отдыхать не лег. Взял из вещмешка Щетку, Гуталин и натер кирзу так, что сапог заблестел, как хромовый. Вскоре к нему подошла Туфелька, под стать ему – лаком переливается. Закружилась возле Сапога, ближе прикоснуться – видно, долго его ждала. И когда ей это удалось, они не спеша пошли рядышком.

Тут разнеслось мощное раскатистое: «Ура-а! Победа-а!» – и это длилось, казалось, до бесконечности. За этим последовали громкие выстрелы красочного салюта.

– Вот, видно, Сапог за эту красоту боролся, поэтому его с таким восторгом встречают, – радовалась Щетка. А Гуталин добавил:

– Никому не нужна пыль, гарь и запах пороха. Красота непобедима, и мы с тобой обязательно в этом поучаствуем. Наведем чистоту.

Перекур

Две Цigarки с махоркой лежали на бруствере окопа и тлели.

– Солдат-то мой один раз курнул и в атаку пошел, крикнув «Последний бой!» – сверкнув огоньком, сказала Цigarка, свернутая в трубочку.

– И мой не успел покурить, – ответила вторая Цigarка, скрученная воронкой, словно козья ножка. – Солдат высыпал последнюю махорку из кисета. Жалко, если табачок пропадет в такой памятный день.

Вдалеке от окопа слышались взрывы бомб, был виден поднимающийся и уходящий вдаль черный дым, доносились громкие раскаты:

– Ур-ра! Ур-ра!

И скоро все затихло.

– Наконец-то враг, напавший на Родину, выдворен с нашей Земли! – сказала Цigarка, та, что трубочкой, и заискрилась еще ярче, обратясь к соседке: – Ты погорячей держись. Солдат придет после боя, ему приятно будет махорочкой затынуться.

Тут в окоп запрыгнули потные, измазанные копотью солдаты и схватили свои Цigarки. Трубочка с махоркой задымила сразу, а козья ножка потухла. И стали солдаты курить одну Цigarку на двоих. Один втянет в себя дым, другому передает. Запах махорки разнесся по всему окопу.

Это был последний после победы перекур. Пришел долгожданный мир! Солдаты, сделав последнюю затяжку, бросили окурки, а козью ножку взяли на память, как сувенир страшных лет войны. Встали во весь рост и пошли, зная, они больше никогда не допустят, чтобы пули смерти летали над родной Россией.

После войны

Салют победы

Залп орудий озарял разноцветным салютом городскую площадь. В окнах домов светился яркий свет. Повсюду праздновали День Победы над фашистской Германией. Кое-где были и темные окна, которые освещались салютом, и тогда в них тоже можно было разглядеть людей, примкнувших к стеклу. Они смотрели на ликующих граждан: юношей, девушек и бойцов Красной Армии, сожалея, что не могут из-за своей одинокой старости праздновать этот великий день со всеми вместе и преклониться перед погибшими отцами, братьями и детьми.

Вот и бабушка Аня грустно глядела сейчас в окно на радостное скопление людей и вспоминала прошедшие голодные годы войны: как работала в холодных цехах, делая мины для фронта, и своего единственного сына Антона, погибшего в бою с врагом.

Вспышки салюта то и дело ярко освещали площадь. Вдруг среди группы военных она увидела офицера в шлеме танкиста. Точь-в-точь, как у сына, когда он прибыл на побывку после госпиталя. Тогда он был награжден командованием медалью «За отвагу». Аня плотно прильнула к окну, затем приоткрыла раму и крикнула:

– Анто-он! Сыно-ок!

Она надеялась, что он услышит и увидит ее, но свет салюта медленно померк. Когда вокруг все озарилось снова, офицера на площади уже не оказалось. Аня подумала: «Он, наверное, пошел к дому» и с надеждой подошла к двери.

И правда, в дверь кто-то постучал. Сердце ее сжалось – ей так хотелось увидеть свою родную кровинушку. Распахнула дверь – но это была соседка, приглашавшая ее к себе на празднование Победы.

Колечко с рубином

Десять лет прошло, как закончилась безжалостная Великая Отечественная война и началась мирная жизнь.

Бывшая медсестра по прозвищу «Воробушек» (так ее называли раненые солдаты за ее шустрость в медработе) стала уже Юлией Павловной – известным хирургом. Ей часто приходилось разъезжать по медицинским учреждениям и бывать в далеких городах с лекциями о новых достижениях в медицине. Вот и сейчас ей предложили поехать в один из институтов, находящийся неподалеку от границы СССР, и там провести лекции и семинары по обмену опытом. Она уже бывала в тех краях, служа во время войны в медсанбате медсестрой, и поэтому согласилась, желая увидеть места, которые не могла забыть за пролетевшие годы.

Юлия Павловна села в купе, предназначенное для двух попутчиков, но никто не пришел, и она, оказавшись одна, отдалась воспоминаниям о так быстро пролетевшем прошлом.

Поезд тронулся. Юлия Павловна не захотела стелить постель, и даже монотонный стук колес, способствующий сну, не мог ее усыпить. Пришла проводница и предложила:

– Может быть, чаю?

– Да, и покрепче, – ответила она и стала пить ароматный чай маленькими глотками, думая и представляя тот город, куда она едет, где в далекие времена шли ожесточенные бои...

Враг напал на Родину неожиданно, вероломно. Из медицинского техникума ее сразу отправили на передовую, в самое пекло войны. И отдохнуть-то было некогда – вспоминала она. Ноги слабели, с трудом передвигались, а надо было успеть всех раненых обойти и перевязки по несколько раз сделать.

Во время войны вокзал там приспособили под лазарет для раненых бойцов, их прибывало с каждым днем все больше и больше.

«Может, я на ходу спала и не замечала этого? – в душе смеялась Юлия Павловна – и летала то к одному раненому, то к другому, оттого и прозвали Воробушек. Всё старалась облегчить им боль. Порой погладишь стонущего солдатика по голове, а ему и это помогает – успокоится немного».

...И тут ее словно огнем обожгло. Она будто наяву увидела последний поезд с ранеными и того лейтенанта без сознания. Сердце ее сжало до боли. Юлия Павловна поняла, что только из-за него не отказалась от этой поездки. Много лет она не может забыть его...

Этот офицер долго не приходил в себя, все лежал тихо с закрытыми глазами, а когда открыл их, неожиданно сказал:

– Голубка, посиди немножко со мной, – и взял ее за руку.

Она хотела тихонечко от него освободиться, но он цепко ухватил ее. Главврач увидел это и говорит:

– Посиди с ним, может, это последняя радость, что у него осталась.

После этого лейтенант пошел на поправку и по-прежнему старался держать ее за руку. Вскоре его стали готовить к переводу в тыловой госпиталь.

...Тут Юлия Павловна выпила оставшийся глоток чая и вздохнула. Нахлынувшие чувства были такие, что казалось, это произошло вчера...

Однажды при взгляде на нее глаза офицера горели таким огнем, что она даже почувствовала исходящее тепло и решила: «больной уже совсем выздоровел!»

А он с нежностью загадочно сказал:

– Голубка, я хочу подарить тебе колечко с рубином, – и, улыбаясь, стал снимать с шеи веревочку, на которой оно висело. – Это колечко очень старое, его дарят у нас в роду по женской линии, а если нет девочки, то дарят мальчику, который должен носить его, пока мужчиной не станет. А когда у него появится дочурка, должен вручить его ей. Мама, провожая меня на фронт, наказывала: «Носи это кольцо, оно счастье приносит всем наследникам и близким». Оно не налезло мне на палец, и мне пришлось носить его на шее. Так как у меня нет сестры, я дарю его тебе! Ты у меня самая родная.

Шутит ли офицер или нет, она догадаться не могла. А он, словно предугадав ее мысль, быстро промолвил:

– Я серьезно.

– Я не могу его принять, – в замешательстве ответила она. – Я для вас ничего важного не сделала, чтобы получить такой подарок. Вы же меня еще не знаете!

Лейтенант сердито посмотрел на нее, но она его уже немного изучила – это у него было для видимости, и словно прочеканил:

– Знаю тебя хорошо. Возьми колечко, а не то обижусь на всю жизнь, – и надел ей на палец, оно оказалось в самый раз. – Я знал, что оно только тебе годится.

Довольный, он поправил свои разлохмаченные веревочкой белокурые волосы, сел на кровать, весь сияет, на нее не отрываясь смотрит. Сам ухоженный, чистый, побритый (видно, кто из сестер его к этому дню подготовил) и, улыбаясь, сказал:

– Голубка, если вдруг мы с тобой на этой войне потеряемся, то давай обязательно встретимся тут на вокзале в День Победы, – глаза хитро прищурил, мол, поняла ли я его или нет, а на подбородке ямка заплясала, это я заметила, когда он волновался.

Вот тогда он ей в душу и запал, таким необыкновенным она его и запомнила.

Он хотел еще что-то добавить, и она хотела ему что-то сказать, но в этот момент загрохотали зенитки. Прорвавшийся немецкий самолет сбросил несколько бомб, осколки угодили в лазарет, ее ранило, она попала в тыловой госпиталь и о лейтенанте больше не смогла ничего узнать.

...Юлия Павловна задумалась:

«Даже если бы я обратилась, чтобы разыскать его, никто не помог бы мне в этом: его имени, фамилии не знаю, меня все называли Воробушек, а он звал меня Голубкой».

Юлия Павловна не вставая просидела всю поездку, вся была в своих думах. Лишь когда поезд затормозил и остановился, она пришла в себя.

Вокзал был такой же, как прежде, но более красивый, отреставрированный, в готическом стиле, с высокими колоннами, устремленными вверх, и окном, называемым «Роза».

В здание вокзала попасть не удалось. Встречающие подхватили ее, усадили в машину и увезли в институт. Там она провела весь день с лекциями и семинарами.

А на следующий день выпала очередная годовщина – знаменательный День Победы над врагом. Вечером, поздравив всех медиков с великим праздником, она уезжала домой.

Юлия Павловна вошла в полупустой вестибюль вокзала. Людей, ожидавших поезда, было немного, недостатка в свободных креслах не было. Она села на один из них, рядом с седоватым мужчиной, читающим газету. Расслабившись от напряженного дня, положила руку на подлокотник кресла, глубоко вздохнула от усталости и тут услышала:

– Извините, откуда у вас это колечко?

Она вздрогнула, подняла взгляд, и они оба вскочили с кресел, удивленные и обрадованные.

Это был тот самый лейтенант с ямкой на подбородке. С тех пор они оба изменились, но любящие этого не замечают.

– Голубка! – воскликнул он. – Я знал, что ты придешь сюда. Я каждый год в День Победы бываю тут.

Радость перехватила дыхание, она ничего не могла ответить, лишь корила себя: как это она могла забыть о встрече в назначенном месте. Он же говорил ей об этом!

Тут в честь Победы грянул салют, засверкал разноцветными огнями и озарил их счастливые лица.

Поезд гудел, приглашая пассажиров.

– Я отвезу тебя домой, – твердо сказал лейтенант тоном, не терпящим возражений, и ямка у него на подбородке заплескалась. – Кстати, зовут меня Илья, отчество Григорий, а тебя я знаю – Голубка, – и они оба засмеялись.

Прошло несколько лет. В один из дней полковник Илья Григорьевич, преподаватель пограничной академии, вместе с женой Юлей праздновали рождение дочери. Они дали ей поиграть колечко с рубином, а как она подрастет, наденут его ей на пальчик. Оно же приносит счастье близким и дорогим людям.

Медаль «за отвагу»

Соколов был старшим сержантом запаса. Во время Великой Отечественной войны служил в пограничных войсках.

В один из дней он получил телеграмму, что ушел из жизни начальник заставы капитан Белов, с которым ему пришлось вместе пережить тяжесть военных лет.

Соколов надел брюки, сапоги, облачился в изрядно поношенный китель и, позвякивая орденами, решил ехать немедленно. Выходя из дома, он заглянул в почтовый ящик, где оказалась повестка из военкомата с приглашением прийти завтра в указанное время.

«Это будет завтра! – подумал он. – А сейчас я поеду проститься с фронтовым другом».

Соколов добрался до автобуса дальнего следования, купил билет и поехал. Под монотонный гул мотора он задумался, его охватили воспоминания о жизни и первой встрече с капитаном Беловым.

...Все началось с той поры, когда его, молодого, полного сил, энергичного, призвали в Красную армию. После военного обучения он в звании ефрейтора был отправлен служить на границу. Застава находилась высоко в горах. Поднимался он легко, наверно, сказывалась физическая подготовка, которой он увлекался на гражданке, да и Бог наградил его силой и выносливостью. А вот однополчане, идущие вместе с ним, устали.

Начальник заставы, встретив их, приказал всем новичкам-солдатам отдыхать, а его, ефрейтора Соколова, попросил побыть дежурным, так как обстановка на границе была серьезной, а пограничников на охраняемых объектах было недостаточно.

Уже близилось утро, облака и туман еще покрывали вершины гор, ущелья и овраги. Вдруг сработал тревожный сигнал на приборе в дежурке: кто-то перешел границу. В небо взметнулась яркая ракета, выпущенная пограничным дозором и означающая вторжение. Послышались выстрелы, и начальник заставы скомандовал: «В ружье!»

В этот день враги вероломно, без объявления войны напали на нашу Родину.

Капитан едва успел распределить всех солдат по огненным точкам, как начался бой. Неприятель рассчитывал на неожиданность и превосходство в живой силе, чтобы в считанные минуты овладеть заставой. Но пограничники быстро среагировали и открыли встречный огонь.

Возле ущелья слышались тревожные выстрелы часового – враг решил воспользоваться туманом и обойти заставу по ущелью с тыла.

– Бери отделение, Соколов! – прочеканил капитан. – И не дай врагу прорваться.

– Солдаты сейчас здесь нужнее. Я лучше один пойду! – ответил он и, схватив, как перышко, тяжелый пулемет и дополнительный диск, уходя, уже на ходу открыл очередь по появляющимся из ущелья врагам. Скопил первых и, быстро перемещаясь, повторил очередь. Его свинцовые пули достигали всех, неприятель стал пятиться и вынужден был отступить.

В точке, где находился капитан Белов, тоже было покончено с нарушителями. Начальник заставы подошел к вернувшемуся Соколову, обнял его и сказал:

– Молодец, сынок, спасибо за храбрость! – и, сняв с себя медаль «За отвагу», приколот ему на гимнастерку и добавил: – Я доложу об этом генералу округа, ты заслужил ее!

Вскоре на заставу прибыло подкрепление – целая часть красноармейцев. Враг уже не предпринимал здесь вылазок, стараясь прорваться на других участках границы.

Война шла долго, и Соколова еще много раз награждали за боевые заслуги, за смекалку и самоотверженность. Но первую медаль он никогда не забывал, хоть и разрешение на ее ношение так и не получил. Вскоре и с Беловым им пришлось расстаться – воевали в разных полках...

И так за воспоминаниями Соколов доехал до места назначения.

В доме Белова было много народа: собрались все его друзья, среди них были и знакомые однополчане. Заслуженные им многочисленные ордена лежали рядом на красной подушечке. Соколов снял с себя медаль «За отвагу», что вручил ему когда-то начальник заставы, прикрепил ее к подушечке, и ему показалось, что все награды засверкали, словно на них появились слезинки, видно, что они с грустью расставались со своим командиром.

Простившись с другом, Соколов выехал домой.

На следующее утро он пришел в военкомат к назначенному времени. Там его ждала комиссия во главе с генералом. Ему торжественно заявили:

– Товарищ Соколов! Мы долго искали вас и, наконец-то, имеем возможность вручить вам заслуженную в годы войны медаль «За отвагу».

Часы с боем

У меня был приятель преклонного возраста. Мы с ним дружили давно, и мне часто доводилось видеть, как он тряпочкой осторожно протирал старые настенные часы. Я спросил его о причине такой аккуратности, и он поведал мне интересную историю про них, начав издалека:

...Мама моя была участницей Великой Отечественной войны в звании сержанта, по должности связистка, служила в том же полку, что и мой отец. Если была у них свободная минутка, они старались находиться вместе. Однажды, освободив один город от врага, они зашли в разрушенную церковь. Их встретил батюшка. Он их перекрестил, благословил и сказал:

– Вы будете счастливой парой. Жизнь у вас будет долгой и благополучной, – и тут загудел приятный звон колокола: «Бум-бом. Бум-бом!»

– Вот и небеса об этом говорят, – и батюшка снова перекрестил их.

Маму в конце войны тяжело ранило, и ее отправили в госпиталь, она тогда была беременна мною. Мама осталась жива, и меня спасли. После выписки из госпиталя ее демобилизовали. Хромающая и передвигающаяся на костылях, она решила уехать в город Ташкент, где прожить со мной было легче, там жили ее эвакуированные родные. Отца я не знал. Когда подрос и стал разговаривать, я спросил маму:

– Где мой папа?

Она ответила:

– Далеко, на военной службе, – сама после этих слов заплакала, а я больше никогда не спрашивал ее об этом.

Так вот, когда мне было пять лет, часы эти уже висели здесь. Мама любила слушать их музыкальный бой «бум-бом, бум-бом» и всегда после этого задумывалась, будто вспоминала что-то, но не улыбалась. Часы временами останавливались, мама с больной ногой не могла их завести – висели они высоко и надо было вставать на табуретку, чтобы до них дотянуться. Нам приходилось звать на помощь ее сестру, которая всегда помогала.

Однажды, когда часы в очередной раз встали, а было это как раз в очередную годовщину Дня Победы, я решил: «Пока мама ушла по делам к соседке, я сделаю ей подарок: починю часы. Она увидит это, спасибо скажет и мне улыбнется».

Я подвинул табуретку, встал на нее, но маятник со стрелками были еще высоко. Я и подпрыгивал, чтобы их достать, и под ноги книгу положил, но все было безрезультатно. И тут я подумал: «А не позвать ли мне кого-нибудь с улицы помочь?»

Выбежал во двор и вижу: шагает быстро офицер мимо, весь в орденах и высокий-высокий. Я его останавливаю и обращаюсь:

– Дядя офицер, помогите мне... – он не дал мне договорить.

– Ну, что случилось, малыш? – поинтересовался, а сам на часы смотрит, видно, торопится куда-то.

Тут я ему и рассказал про маму, про часы, про праздник и чуть не плачу. Дядя улыбнулся и серьезно говорит:

– Ты, сынок, не расстраивайся. Хотя это дело серьезное, но я тебе помогу – и пошел за мной.

Дома я подаю ему табуретку, а он мне:

– Не надо, я и так достану – и враз завел часы, стрелку на точное время поставил, толкнул маятник, и они затикали. Офицер по-военному прочеканил:

– Вот и дело сделано, малыш. Ты свою маму поздравь с великим праздником от ветерана войны. Ну а я пошел!

И хотел уже уходить, но тут его взгляд остановился на комодке, где были у нас фотографии: мама с папой в военной форме, папа в боевом снаряжении, с оружием и гранатами (их фотокорреспондент снимал перед атакой, как мама объяснила). Были и другие снимки: где они вдвоем обнимаются и один, где я с мамой. Все, кто смотрели на него, говорили, что я – вылитый папа.

Лицо дяди побледнело, он весь как-то обмяк, даже ростом стал меньше и задал мне странный вопрос:

– Кто это на фото?

Я отвечаю:

– Мама и мой папа, только я его никогда не видел. Он далеко, на военной службе – так мне мама сказала.

Офицер присел на стул, облокотился на стол. Смотрит на меня, подбородок ходуном ходит, хочет что-то спросить и не может. Тут тросточка, стоявшая возле стола, с шумом упала на пол. Он вздрогнул, поднял ее и спросил:

– А это чья клюка?

– Мамина, – отвечаю, – если она идет куда-нибудь далеко, то берет ее с собой, а сейчас к соседке ушла и здесь оставила.

Тут дядя не то произнес что-то, не то застонал:

– Так вот почему она скрылась от меня. Решила: если инвалид, то будет мне в тягость. Да какой бы она ни была, я по-прежнему люблю ее. Ищу по всей стране.

И он обхватил обеими руками голову, и в горле у него что-то заклокотало.

– Глупенькая, да разве мог я ее бросить?

Тут вошла мама. Увидев дядю, она остановилась, глаза ее сделались большими, как вишенки, словно увидела какое-то диво, и пошатнулась. Он вскочил, поддержал ее и крепко прижал к себе.

– Мама! – кричу я. – Мы с дядей тебе подарок сделали, твои любимые часы со звоном починили!

– Сынок, – с дрожью в голосе, но с какой-то внутренней сердечной радостью сказала она. – Это твой папа. – и улыбнулась. Я такой улыбки не видел у нее никогда.

– Вот и собралась вся семья, – торжествовал мой отец.

Настенные часы громко загудели: «Бум-бом. Бум-бом!»

– Вот и бой часов, как и колокол посылает нам небесное приветствие. Желает нам всем долгой жизни, – смеясь, сказал папа, обнял меня с мамой и так долго держал, будто боялся, что мы опять исчезнем.

Вечером мы всей семьей смотрели на многократные вспышки красочного салюта в честь Победы и радовались нашему счастью. Возвращаясь домой, мама облокотилась на папину руку, поцеловала его в щеку и тихо сказала:

– Извини, родной, за мой дурацкий поступок.

С тех пор (а может, это мне показалось) у мамы со здоровьем стало немного лучше, а часы наши больше никогда не останавливались.

Неизвестный солдат

В день Победы над фашистской Германией мать получила извещение о гибели сына. Она уткнулась в подушку и заплакала:

– За что, за что его так? Он ведь сам даже муху не обидел!

Сын ее на гражданке садовником работал, мечтал вырастить необычные цветы и всех людей ими порадовать. У него на грядке уже появились интересные росточки, оставалось подождать их цветения.

Но тут на Родину напала немецкая армада, и сын так и не успел увидеть красоту своих цветов. Забрали его в армию. Уходя, он сказал на прощание:

– Мама, сохрани грядку с этими росточками, я скоро вернусь и закончу свой эксперимент.

Она ждала его. Война с фашистами была долгой. Было тяжело с питанием. Чтобы выжить, ей пришлось посадить на грядку картошку. А с цветами решила: «Сын придет из армии и заново все посадит».

И вот закончилась война, но вместо сына она получила похоронку. Мать не хотела даже двигаться – силы куда-то подевались. Пришла соседка, обняла ее за плечи и с добротой в голосе предложила:

– Пойдем на площадь. Там памятник неизвестному солдату открывают. Может, тебе полегчает, не одна там несчастная будешь.

На площади народу собралось множество. Но тишина была такая, что не слышно было даже дыхания людей. Полотнище с памятника сняли, и взорам всех предстал бронзовый солдат в военной форме с оружием в руках, в больших сапогах, крепко стоящий на пьедестале с уставшим, но суровым лицом. Толпа загудела, заволновалась. Кто-то рядом с матерью охнул:

– Это мой сынок! – и послышалось слезливое хлюпанье.

Мать тоже увидела в скульптуре солдата, в его облике, что-то родное, близкое, сыновье. Тут стали приносить цветы и возлагать их к памятнику, они были необычной красоты: яркие, алые, с большими бархатистыми лепестками, в каждом из них словно светило солнышко.

«Вот такие цветы, наверно, и хотел увидеть сын, – подумала мать. – Только он хотел подарить их живым людям, для их счастья. А обернулось все наоборот. Цветы склонились лепестками перед ним и воздают ему славу за его подвиг, за защиту Родины».

И матери показалось, что бронзовый солдат с теплотой поглядел на нее.

На следующий год вокруг памятника все было устлано чудесными бархатистыми цветами, и они продолжали разрастаться во все стороны. Люди удивленно говорили:

– Их никто не сажал... Видно, неизвестный солдат желает, чтобы все на земле получали цветы радости.

Подарок

Лялин работал в одном из военных издательств. Дел было много, и он порою забывал поздравить с праздником самого близкого ему человека – жену. А вспомнив, долго ходил по магазину и никак не мог выбрать подходящий подарок.

«Что купить? – эта мысль мучила его уже третий день. – Духи? Нет! Каждый праздник покупаю». И он вспомнил, что дома, куда ни сунешься, везде флаконы, даже в его письменном столе пузырьки из-под духов. Только откроешь ящик – отскакиваешь, запах ударяет прямо в нос. «До чего же он едок!» – Лялин поморщился. Запах преследовал его повсюду, как только он начинал думать о нем.

«Куплю-ка что-нибудь из белья, – решил он, но тут же подумал: – А вдруг купишь, да не то? Принесешь домой, а тебе скажут: «Размер не тот. Цвет не к лицу» – и тащи обратно в магазин, а там тряси вещичками, доказывай, что ошибся».

«Нет уж, дудки, только не это. Лучше купить цветы – и баста!» – окончательно решил он.

Окрыленный этой идеей, Лялин вышел из магазина. В этот день он исходил весь город, проехал на всех видах транспорта во все его концы, но цветов не нашел. Везде он слышал только один ответ: «Цветов нет, проданы!»

«И что я до праздника дотянул, купил бы на денек пораньше, – ругал себя Лялин. – Другие, поумней, давно купили подарки и сидят уже дома – празднуют».

Вечерело, магазины зажигали огни, ярко освещая витрины. Но Лялин не замечал этого, брел расстроенный, не спеша, медленно передвигая уставшие ноги. Над ним засветился огромный транспарант, заигравший множеством цветных огоньков. Лялин поднял голову и прочел: «Не забудь поздравить с праздником родных, близких и знакомых». В висках его забарабанило, в голове с новой силой зажужжала мысль: «Что купить?.. Что купить?»

Впереди показалась толпа, что-то кричавшая и толкавшая друг друга. Откуда-то из ее середины вынырнул человек, весь взъерошенный, как воробей, в руках его были крепко сжаты цветы.

«Цветы!» – и Лялин, обрадованный, бросился в гущу толпы.

Ему достался последний букет ярко-красных тюльпанов. Тяжело дыша, Лялин стоял не в силах куда-либо тронуться. Блуждающие его глаза остановились на афише: «Купите билеты на танцы!»

«А что, неплохо и билеты взять, – отдуваясь, подумал он, – давненько с женой не танцевали. С тех пор, как сын появился. Сейчас он большой, управится и без нас». И Лялин поторопился к кассам.

Держа в одной руке букет, в другой билет, Лялин летел домой словно птица. Пиджак его расстегнулся, галстук съехал и болтался сбоку.

Дома дверь была закрыта. Он позвонил, но никто не открыл. Он позвонил еще раз, тогда за дверью загромыхало, видно, что-то упало, и вышла жена с мокрыми мыльными руками:

– Ты что, подождать не можешь? – возмутилась она. – Видишь – стираю.

Приготовленные заранее поздравительные слова куда-то исчезли. Держа подарки за спиной, Лялин лихорадочно вспоминал слова, которые так хотел сказать.

– Ты что – пьян? Слово выговорить не можешь? – проговорила жена, ближе подойдя к нему.

– Милая моя березка, поздравляю тебя с праздником, приглашаю тебя на танцы. Я закончу стирку, а ты переодевайся, – выпалил он, протягивая ей цветы и билеты.

Жена засмеялась и, обхватив его шею руками, крепко поцеловала.

– Спасибо, Коля! Я тебя заждаюсь, рассердилась, стала стиркой заниматься...

Жена шла на танцы нарядная. Ее разгоряченное, радостное лицо пылало румянцем. Облокотившись на его руку и прижавшись к нему, она говорила без умолку, точно не дышала.

– Коля, а мы с тобой на танцах познакомились, помнишь? Танго танцевали!

– Да, – ответил Лялин, с нежностью прижимая ее и чувствуя бьющуюся венку под своей ладонью.

– Ты тогда приз получил, а что – не показал. Сказал только, когда мы поженились, что выиграл слюнявчики и соску.

Лялин сделал злое выражение лица, но в душе посмеялся. Жена взглянула на него, и они оба залились безудержным смехом.

В клубе стоял шум от топанья ног и громких разговоров. Танцующие стояли друг перед другом и старательно стучали обувью, словно вбивали что-то в пол. Лялин слышал о новых танцах, но видел их впервые и сейчас с удивлением смотрел на это.

«А все-таки старые танцы лучше!» – подумал он и, взяв жену под руку, сказал:

– Пойдем, Березка моя, станцуем по-нашему!

Танцуя, он повел ее по залу и вдруг услышал:

– Эти танцуют по старинке!

Лялин посуровел, посмотрел, откуда доносится голос, желая поспорить, что старые танцы не хуже новых, но увидел перед собой множество улыбающихся лиц. «А не слышала ли это жена?» – заволновался он и взглянул на нее. Но ее лицо, как прежде, было счастливым. Облегченно вздохнув, Лялин предложил ей:

– Березка, давай станцуем, как все – по-новому.

Жена посмотрела на него с удивлением:

– Мы же не умеем!

– Попробуем, может, получится?

Она помолчала немножко и ответила:

– Хорошо, Коля.

Лялин окинул взором танцующих, встал перед женой, выпятил колесом грудь, руки согнул в локтях, словно собрался бежать, и затопал под звуки оркестра. Жена, будто зная танец,

притопнула ногой и закружилась возле Лялина. Он, увидев ее радостное лицо, сам стал выделять такие выкрутасы, что, казалось, ноги едва успевают.

Танец закончился, но оркестр, не отдыхая, заиграл снова. Лялин восторжен. Это было танго, танцуя которое он познакомился с Березкой. Блестящие глаза жены смотрели на него, словно говорили: «Слышишь, Коля? Наш танец!»

Он взял трепещущую и взволнованную жену за талию и осторожно, точно это была хрустальная ваза, повел по залу. Она склонила голову ему на плечо и прижалась, охваченная радостным воспоминанием. Они танцевали старый танец, танго их молодости. В этом танце было много красоты, изящества и теплоты. Лялин и Березка словно плыли по залу, не замечая, что не только сотни глаз на них смотрят, а даже стены ими любят. Лялин заговорил первый:

– Когда мы с тобой познакомились, ты была тоненькая, как березка. Поэтому я тебя так и прозвал. А сейчас вон какая стала, – и Лялин оглядел статную фигуру жены, – только прозвище осталось.

– А ты, что – лучше стал? Был красивый, сильный, на руках носил. А сейчас: сгорбился, волосы реденькие, будто повыдергал кто. От красоты только родинка на щеке осталась.

Лялин засмеялся и приподнял жену.

– Коля, глупенький, отпусти же, смотрят, – смеялась жена.

– Пусть все видят. Я же не украл тебя, – и пронес ее на руках по всему залу.

Жена прижалась к нему, сердце ее стучало, готовое разорваться от счастья. Лялин опустил ее, склонился к ее голове, вдыхая запах ее золотистых волос.

Оркестр, точно приветствуя, повернул к ним сверкающие от яркого света трубы и заиграл еще громче, повторяя мелодию танго – такие дорогие для них звуки молодости.

Мамин платочек с узелком

Когда сын уходил в армию, мама ему сказала:

– Сынок, возьми вот этот платочек с узелком с собой, тут земля нашего родного края. Память тебе будет о доме и обо мне.

Он бережно положил платочек с небольшим узелком к себе в карман.

Будучи на фронте, всегда перед боем прижимал узелок к губам и укладывал его обратно на место. Солдаты улыбались его причудам, а он им объяснял:

– Это мамин узелок. Так я вспоминаю ее и свой край, где родился, и мне не так страшно идти сражаться с врагом. Этот платочек бережет меня!

Как-то поблизости взорвался снаряд, осколок от него впился в медную пуговицу шинели, а бойца задел совсем незначительно. И такие случаи повторялись не раз.

Война, длившаяся достаточно долго, закончилась Победой!

Враг, напавший на Родину, был уничтожен!

Солдат вернулся домой здоровый и невредимый. Мама радостно встретила его и спросила:

– Сынок, сохранил ли ты тот узелок?

– Да, – ответил он.

– Так береги его для счастья и дальше!

Через некоторое время мамы не стало – тяжелый военный быт тыла и переживания за сына дали о себе знать. Сын, столкнувшись с житейскими заботами, забыл про узелок. Работа, женитьба, родившиеся дети, да и сам стал чувствовать себя уже неважно.

И тут он вспомнил про узелок. Нашел его в шкафу, где лежала военная гимнастерка. Развязал узелок и увидел землю – золотистый песок, а в нем – маленькую иконку Божией Матери.

– Так вот кто меня уберег от всех несчастий! – воскликнул он и почувствовал облегчение от тепло светившейся иконки.

Я с облачка спущусь

Однажды я ехал вечером на машине и меня настигла сильная гроза. Дорогу размыло дождем, и мне пришлось остановиться в незнакомом селе, чтобы переждать этот ливень. Я постучался в дверь одной избы. Мне открыла шустрая девушка, и я попросился у нее переночевать.

– Да вы спросите у тети Маруси, – ответила она, – я тут соседка.

В этот момент, отодвинув занавеску, с русской печи выглянула пожилая женщина.

– Располагайся, располагайся, гость дорогой, – пригласила она. – Здесь всем места хватит. Зина поможет вам тут устроиться. А я на теплой печи лежу, косточки лечу, что-то мне не по себе.

Я оглянулся – в избе было чисто, ухожено и пахло свежей сосной от вымытого пола. А больше всего меня удивило множество фотографий юноши разного возраста: от босого мальчика до взрослого военного десантника. Стояли они в рамках на комодке и висели на бревенчатых стенах.

– Это что у вас за знаменитость? – поинтересовался я.

– Да это мой Алеша, приемный сынок, – радостно ответила тетя Маруся, – сейчас он в армии служит.

И она рассказала мне следующую историю.

... Во время Великой Отечественной войны здесь по дороге возле моей избы проходили фашисты. Был жуткий мороз, и вот в тот день немцы гнали малолетних детей на железнодорожную станцию, здесь неподалеку. Дети были одеты в чем попало: кто укутан материнской шалью, кто накрыт одеяльцем, и не шли они, а, казалось, катились, как снежные комочки, по белой студеной дороге, гонимые вьюгой. Смотрю в окно и вижу: один комочек отстал и упал, немец его сапогом пнул, он было поднялся, да снова в сугроб свалился. Фриц еще раз по снежному бугорку прошелся. Комочек не шевелился. И немец, махнув автоматом, пошел дальше сопровождать остальных детей.

Я дождалась минуты, когда вокруг никого не было, выбежала, добралась до ребенка, схватила его и притащила в избу. Это был мальчик, он был белый, будто маленький снеговик. Я нашла муравьиный спирт (его еще муж до войны припас от всякой хвори) и стала растирать его тельце. Оно потеплело, порозовело, и первыми словами мальчика были: «Мама, молочка!» А где его взять... Слышала, что в другой деревне на отшибе у какой-то бабки есть коза. Попросила соседку присмотреть за малышом. У нее у самой маленькая дочка была, она поняла мою озабоченность – «Иди» говорит.

И пошла я в путь через поле, продуваемое холодным ветром и засыпаемое снежным бураном, надеясь, что достану молока. Не буду рассказывать, что я за этот путь пережила, но молоко малышу принесла.

Подогрела его и маленькими глоточками напоила. И знаете что?! Он пошел на поправку, и с тех пор как хвостик ходил за мной и помогал мне во всем: я в доме убираю – и он со мной. А когда подрос, я землю копаю, картошку сажаю – и он рядом. Однажды вот что сказал:

«Мама, если я даже буду высоко, как облачко, и узнаю, что ты нездорова, я к тебе с него спущусь, как ангелок».

После этих слов Зинка-соседка, егоза, смеясь, зовет его «летучий ангелок».

Война закончилась, мирная жизнь настала. Рос Алеша, как дубок, на здоровье никогда не жаловался, всегда все делал по дому: носил воду из колодца, заготавливал дрова, ремонтировал все что нужно, а если надо, помогал и сельчанам. Они за это благодарили его, а иногда и

деньгами рассчитывались. Он скопил немного и купил сапоги. Нардоваться им не мог. А тут у меня с глазами плохо стало, все поплыло. Врач посоветовал найти французские глазные капли, сказал, что только они помогут. И откуда-то узнал об этом сынок. Поехал в город и вернулся с лекарством, но без сапог, продал их, и все из-за меня.

Учился он тоже хорошо, получил среднее образование, а потом в армию призвали, в пограничные десантные войска. Алеша был этим очень доволен. А мне всегда говорил: «Мама, ты отдыхай, а я все за тебя сделаю. Ты меня выходила, к жизни вернула. Этого я никогда не забуду». И кто ему рассказал о тех днях, когда я его спасала? И вот он стал взрослый и по-прежнему твердит эти слова».

Пока тетя Маруся все это рассказывала, Зина сидела рядом и внимательно слушала. Глаза у нее сверкали от гордости за Алешу.

На следующий день погода выдалась солнечная, изредка появлялись бегущие по небу небольшие облака. Я собирался уже попрощаться и уезжать, как вдруг вбегает Зина и с порога кричит:

- Тетя Маша, он летит с облака, как и обещал!
- Кто летит-то, пустомолка? – шутя, спрашивает ее она.
- Да ваш! Наш, Алеша!

Мать, с трудом ковыляя, вышла на крыльцо. А сын уже приземлился и парашют собирает.

- И кто это ему опять про мою болезнь сказал? – недоумевала она.

А Зина хитруще прищурила глаза, заулыбалась и помчалась в поле, где приземлился он, ее любимый и родной человек. Все чувства были написаны на ее лице. Встретившись, они уже вместе шли по направлению к дому.

- Говорил тебе, что приду к маме отовсюду, если с ней беда.
- Верю, верю тебе, Алеша, только не делай больше этого, – твердила она.
- Хорошо, – смеясь, ответил он. – Только ты мне подробно пиши о маме, береги ее и о себе не забывай черкнуть. Я тут посадку совершил с разрешения командира и задержусь ненадолго. Сейчас машина придет и отвезет меня обратно в часть. В дальнейшем служить буду на востоке. Это я только тебе говорю!

Он подошел к матери, обнял ее и, целуя, подбадривал:

- Матушка, ты уж не болей. А не то, как обещал, буду прилетать ангелом.

Пробыл Алеша дома, действительно, совсем недолго. Все село пришло провожать его. Когда подъехала машина, чтобы забрать воина-десантника, ему кричали:

- До встречи!
- Громче всех был слышен голос Зины:
- Береги себя, Але-ешенька!!

Спустя год я встретил селянина из тех краев, где побывал когда-то, и он мне поведал, что служить Алешу отправили в Афганистан, он долго не писал оттуда, и считали, что солдат пропал без вести.

К тому времени когда наконец-то пришла от него весточка, мать уже долго болела. Зина показала ей письмо и успокоила: «Тетя Маруся, наш Алеша нашелся и скоро будет здесь!» В этот момент Маруся увидела сына, летящего к ней с облачка, и на лице у нее появилась счастливая улыбка, казалось, болезнь отступила.

Через несколько месяцев ее любящий ангелочек, Алеша, демобилизовался, но встретиться с мамой уже не успел.

Дима-филателист

Протирая дома иконку, Дима обнаружил за ней маленький конверт, пожелтевший от времени. Письма в нем не было, но адрес, фамилия и отчество говорили, что написано оно

было бабушке. Бабушку он не помнил, видел ее только на фотографии рядом с дедушкой. Будучи филателистом, Дима заинтересовался маркой и стал разглядывать ее. Она ничего ценного собой не представляла, на ней был солдат с винтовкой и надписью «Защитник Отечества». Дима пригляделся повнимательней и узнал в солдате дедушку. Точь-в-точь как на фотографии с бабушкой, что в рамке на комод. Дима даже сверил их – точно похож. Дедушку он тоже не видел – он погиб на фронте. Дима аккуратно положил конвертик в коробочку, где хранил марки, чтоб в дальнейшем что-то придумать. Тут пришел Витя-друг и говорит:

– Дима, у тебя, я видел, есть парные одинаковые марки, давай поменяемся.

– Возьми коробочку и сам поищи, – сказал Дима, – мне сейчас некогда, я маме помогаю комнату убирать.

Когда Дима закончил работу и подошел к Вите, тот уже нашел нужную марку и положил свою, которой не было у его друга в коллекции.

– А где конвертик, что тут был в коробочке? – спросил Дима.

– Старый такой, что ли? – удивился Витя. – Я думал, что ты просто прикрыл им марки. Я вынул его, он упал на пол, потом Кошка долго с ним играла.

– Что ты наделал! – воскликнул Дима. – Там марка была с моим дедушкой, она мне дороже всех марок! Я хотел ее показать всем на праздник в честь окончания Великой Отечественной войны.

И Дима с Витей стали искать конвертик. Все в доме обшарили, на улице искали, всем встречным ребятам о пропаже конвертика рассказали. Даже кошку спросили, но она мяукнула и ушла. До вечера искали. Устали. Дима расстроился, а Витя еще больше, что друга огорчил – но он же не нарочно это сделал, нечаянно... Дима в эту ночь плохо спал и все думал, куда мог подеваться этот конвертик. С утра, как только проснулся, опять стал искать его. А мама шутит:

– Если что попало кошке, то пропало. Не расстраивайся сынок, может, кошка еще вернет его.

Дима настойчиво заглядывал в каждый уголок. К концу дня к нему пришел Витя с ватагой ребят, лица у них были радостные, все улыбались. Они протянули ему большую картонку, на которой был прикреплен конверт, а возле него множество марок с рисунками тех боевых дней, когда была война.

– Дима, – наперебой стали говорить они. – Мы решили сделать выставку филателистов в честь годовщины победы над врагом. Твой конвертик будет главным экспонатом на нашей выставке.

Дима был очень счастлив. Неожиданно рядом появилась кошка – гордо задрала голову, она важно вышагивала, словно говоря: «Это я конвертик ребятам принесла и даже не поцарапала».

Г.Т.О.

Как-то Миша заболел, а мама ушла в магазин, сказав:

– Сынок, ты отдыхай, а я пошла в магазин, скоро приду.

Лежит Миша и думает: «Что я буду без дела лежать, посмотрю-ка я альбомы с фотографиями, давно не перелистывал».

Достал он самый старый альбом с потертыми углами, облезлый, в плешинках и надписью «Наш папа и дедушка». Миша открыл его, фотографии были аккуратно расположены по времени. В начале он увидел маленького мальчика, очень похожего на него, видимо, того же возраста. Потом он увидел его на фотографии уже повзрослевшим, плавающим в реке, затем висящим на перекладине турника, бегущим с ребятами эстафету и разрывающим финишную ленту, затем – уже возмужавшим, со значком «ГТО» на груди.

«Что это такое – значок «ГТО»? – подумал Миша и стал просматривать следующие фотографии. Были они пожелтевшие, видно, выполненные наспех. Он увидел дедушку в военной

форме. Вот он бежит с большим пулеметом на спине, вокруг черный дым, пилотка на голове едва держится. Вот еще одна – дедушка с минометом, но чувствуется, что он устал, из-под каски пот капельками стекает. Миша перевернул последний лист альбома, где дедушка на фотографии уже после войны с однополчанами в гимнастерках и кителях с орденами и медалями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.